

ДЖЕК ГЕЛЬБ

ПЕЛЖКАН

МЕСТЬ ЗАМКА РАТЛИН

18+

Грядет
не справедливость,
но возмездие

Young adult. Ориджиналы

Джек Гельб

Пеликан. Месть замка Ратлин

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гельб Д.

Пеликан. Месть замка Ратлин / Д. Гельб — «Эксмо»,
2023 — (Young adult. Ориджиналы)

ISBN 978-5-04-191005-1

Когда-то стены замка Ратлин были обителью гордого клана Макдонеллов. Сейчас же в этих руинах, окутанных вечным туманом, нет ни малейшего отголоска былой славы. С поднятым белым флагом клан был беспощадно уничтожен по приказу королевы Елизаветы. Финтан Макдонелл, чудом выживший в страшной резне, лишился дома, семьи и покоя. Всё, что у него осталось – священная клятва мести. Оба генерала – Норрейс и Дрейк, вот-вот отбудут из Плимута в торговую экспедицию. Финтан ни за что не упустит этот шанс – он готов на всё, чтобы подобраться к убийцам семьи. Чтобы свершить свое правосудие, Финтан становится частью команды капитана Дрейка, даже не догадываясь о том, куда и с какой целью на самом деле отправляется “Пеликан”. Долгожданное издание книги популярного блогера и фикрайтера Джек Гельб! Первая книга пиратской дилогии о мести и возмездии! Видео Джек Гельб в Тiк Ток набирают больше двух миллионов просмотров, а фанатская база растет в геометрической прогрессии. Джек Гельб пишет в жанре альтернативной истории, берясь за описание целого пласта человеческих судеб в разные века. Ее первый роман «Гойда» стартовал с 10 000 экземпляров и вошел в список финалистов премии «Эксмо. Дебют»! «Пеликан. Месть замка Ратлин» переносит нас в золотой век пиратства, расцвет кругосветных путешествий и военных завоеваний! Любовь, ненависть, вражда, трусость и храбрость переплетаются в один тугий узел на корабле величайшего из всех пиратов. Обложка для книги нарисовала прекрасная Selann, популярная российская художница. Ее неповторимый авторский стиль точно передает все грани триумфа и отчаяния героя, побуждая нас заглянуть в его прошлое и переживать за его будущее.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191005-1

© Гельб Д., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1. Туман	7
Глава 2. Прибежище	14
Глава 3. Призрак	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джек Гельб
Пеликан. Месть замка Ратлин

Чем шторм громче, тем быстрее он проходит

© Джек Гельб, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1. Туман

Портраш, графство Антрим 1577 год

Каменный хребет гнулся под тяжким бременем. Внизу, уже изголодавшись, бились морские бесы. Их кучная возня сбивалась седой пеной.

Граф Рене Готье стоял перед обветшалым мостом, ведущим к замку Данлюс. Тьма сгустилась, плотно укутав собой зловещие руины. Воля его колебалась, как ветхая ткань на ветру. Едва ли что можно было разглядеть под ногами. Даже при свете дня восхождение к замку было задачей нелегкой, а теперь, когда опустилась беспробудная ночь, и говорить нечего. В тот момент, когда граф вот-вот обернулся бы назад, вернулся по скалистой дорожке обратно в бухту и стал бы искать ночлега в жалких домишках, он увидел знаменье, явившееся за миг до отречения от данной клятвы.

Замок был жив. Он дышал изнутри, отбрасывая длинные тени в крошечной тьме. Этот проклятый огонь и был той мятежной неуспокоенной душой, ради которой Рене явился сюда. Пересилив страх, граф ступил на ветхий мост. Камни пугливо шевельнулись, перестукнувшись друг с другом. Рене замер, прислушавшись, и через несколько мгновений продолжил идти вперед, на зов багряного пламени, что трепыхалось в груди замка.

Обломки дверей давно гнили на каменном полу. Граф перешагнул через них и оказался в зале. В углу, под правым боком каменной лестницы, и бился трепыхающийся огонек. Вверх тянулась резкая полоса черной сажи и копоти. Пламя оживало в этих стенах не в первый раз.

Граф настороженно обернулся, оглядываясь. На ободранных стенах плясали длинные тени, глумливо извиваясь по прихоти пламени.

– Ты здесь? – спрашивал Готье.

Эхо еще не успело стихнуть под высокими сводами, как багряная вспышка блеснула на лезвии меча – клинок рассек крошечную тьму и обрушился в шаг от проворного Рене. Новый замах не заставил себя долго ждать, но и граф был начеку. Пригнувшись, Рене схватил камень с земли и метко швырнул в голову противника, в ответ услышав злобный рык сквозь зубы. Отступая назад, Рене оступился, уклоняясь от нового разящего удара. Черная фигура выпрямилась, быстро переводя дыхание. Граф мог разглядеть глаза с суженными от ярости зрачками, источающие слепое отчаяние за гранью помешательства. Ржавая борода неровными клочьями выступала на худом подбородке и впалых щеках. Грязно-красные волосы исполосовали бледное лицо, замаранное одеяние свисало бесформенным рваньем.

– Кто ты?! – вопрошал Готье, не отводя взгляда.

Стиснув зубы до скрипа, оборванец приставил лезвие к самому горлу графа.

– Ты Финтан Макдонелл? – спросил Рене, ощущая холод на своей шее.

Меч дрогнул, и графу показалось, что в следующее мгновение он расстанется с жизнью: грубое лезвие поцарапало шею, и тонкая струйка крови спустилась под воротник.

– Откуда ты знаешь это имя? – сипло спросил Финтан.

– Я знал того, кто был там, в Ратлине, – ответил Рене.

* * *

В такие дни кажется, что время застыло. Оно замерло в мутном тяжелом тумане. Серость разъела горизонт, и тот сросся с темно-серой водой, стал единым замершим монолитом: непоколебимым, молчаливым и холодным, как вечность. В этой пустой и бесполезной вечности, где-то внизу скалистого мшистого утеса, волны бились о скалы, а чайки пронзительно срыва-

лись друг на друга. Этот отдаленный гулкий шум мог ненадолго отвлечь от тяжелой мысли: время сковано неподъемными цепями, оно замерло на месте, и этих скал еще не касалась такая сила, что способна вновь заставить день сменяться ночью. Сутки слипались, небо то светлело, то темнело, но один день ничем не отличался от другого.

В этом тумане, который застилал собой все вокруг так, что верх нельзя отличить от низа, а день от ночи, плыла одинокая фигура, закутанная в черную шерстяную куртку и шарф, закрывавший от суровой непогоды. Тень брела, больше похожая на мрачное видение, скверный вымысел, нежели на человека с бьющимся сердцем и горячей кровью. Бесцельно бредущий призрак замер. Его пробил дрожь. Виной тому были вовсе не холод и сырость, которые неслись семью ветрами. Туман, подлый поделщик греха и обмана, прятал в молочной завесе каменную громадину – замок Данлюс. Давно поверженный каменный великан покоился тут на растерзание всем проклятьям холода и моря. Тянулся гнусный писк, который следует после резкого шума, разрыва снаряда над самым ухом. После нескольких мгновений воцарилась тишина, жуткая тишина, которая правила в могучих стенах некогда живого замка, залы которого были натоплены, отогреты изнутри, а снаружи гордо вывешивались знамена смелого и непокорного клана Макдонеллов.

Сейчас перед глазами были лишь обглоданные временем и запустением руины, но в памяти воскрес герб – щит, разделенный на четыре равных фрагмента. На первом красный лев вставал на дыбы и хищно скалился, предаваясь пламенной свирепости. Подле него, по левую сторону, изображалась рука, держащая крест. На нижних двух фрагментах располагались рисунки трехмачтового галеона и рыбы. В самом центре, меж четырех знаков, орел распахивал крылья, и поверх него еще один корабль гордо поднимал три флага. Память с пугающей точностью воскрешала это изображение в памяти, беспощадно терзая старые раны.

Пересилив себя, странник отвел взгляд и продолжил свой путь. Через пару минут тень-призрак добрался до крутого склона, где его ожидали грубо вырубленные ступени, если так можно было назвать кривые уступы, пробитые вразнобой, блестящие от влажного тумана. Преодолев спуск, странник оказался в укромной бухте, надежно скрытой от посторонних глаз широкоплечими скалами, которые нависали исполинскими великанами. Если же чей-то зоркий глаз и смог бы с моря угледеть это укромное пристанище, ему пришлось бы сойти на шлюпки, ибо тут коварная черная вода лукаво прикрывала зубастые и голодные скалы.

Давно и удобно расположившееся тут запустение не собиралось никуда уходить, плотно укутавшись в туманы и шум прибоя. Тусклый и унылый вид набережной заверял, что в этих краях время остановилось, ибо иного объяснения, отчего же ветхий причал еще не сгнил, попросту не было. Доски на пирсе давно разошлись, если когда-то и были подогнаны по размеру, во что сейчас верилось с трудом. К этому жалкому пристанищу притулились несколько худеньких или, напротив, разбухших лодок. Какой-то бледный продрогший бедолага стоял по колено в воде и красными от холода руками пытался залатать пробоину. Чайки, покачиваясь, либо ходили по берегу с величием благородного феодала, оглядывающего свои владения, либо с яростным запалом сражались за рыбы головы и хвосты, которые нет-нет да и перепали из рыбной лавки, помимо которой тут, в бухте, притулилась еще пара покосившихся домиков.

Погрузившись в свои мысли, укутанная тень побрела прочь с причала, глядя себе под ноги, когда звериная чуйка заскреблась в холке. Взгляд поднялся сам собой и, прежде чем рассудок, принялся истолковывать увиденное. Тот, кто наблюдал за странником, был весьма заметной фигурой и даже непомерно громоздкой. Здоровяк более двух метров ростом полулежал на камнях, опираясь на один локоть. мех на старом плаще был невесть из какой грубой щетины, уже порядком поредевший – то тут, то там не хватало клок. Судя по распахнутой на груди рубахе, здоровяку был нипочем гнев семи ветров. Первая же мысль о пьянице, не добредшем до укрытия, быстро улетучилась – ничем спиртным не пахло и в помине, крепкий здоровяк попросту был не из мерзлявых. На теле синели отметины недюжинных схваток,

заметнее всего был шрам прямо на груди, у самого сердца. Помимо рубцов и ожогов, синели и рисунки на обгорелом под палящим солнцем теле, уже порядком расплывшиеся и выцветшие, выдававшие бывалого морского волка. Волосы и борода изредка пресекались проседью. На вид ему могло запросто быть за сорок, а то и за пятьдесят лет, и с первого взгляда было видно – здоровьем он не обижен. Финтан, как и любой беглец и изгнанник на его месте, насторожился, ибо уже два года как подобные встречи не сулили ничего хорошего. Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

– Благословите в дальний путь, – здоровяк нарушил тишину и протянул руку.

Плечи Финтана невольно расслабились от добродушного тона.

– Вы обознались, – мотнул головой Финтан. – Я не священник.

– Да ну? – удивился незнакомец. – Да плевать! Неужто пожалеешь пару добрых слов?

Путь мне держать неблизкий, сгодится благословение хоть кого!

– Бог давно отвернулся от меня, – горько усмехнулся Финтан.

Здоровенная ручища все еще была протянута, но слегка дрогнула от страшных слов.

– Отчего ж? – участливо спросил незнакомец.

Финтан прищурился и, сам не зная того, хмуро свел брови.

– Видно, Бог боится смотреть мне в глаза после того, что он сделал, – просто ответил Макдонелл.

Великан присвистнул.

– О как... – вздохнул здоровяк, почесав затылок. – Что ж, голубчик, не буду тогда докучать тебе. Дела, гляжу, у тебя много сквернее моих.

Невольно губы Финтана дрогнули, и греющее душу коварное лукавство все же блеснуло на поверхности.

– Все не так уж и скверно, как день назад. Большому кораблю – большое плавание, – напутственно произнес Финтан.

Морской волк посмеялся с этих добрых слов. Он положил ручищу на грудь и, оставаясь верным своему слову, не стал больше докучать.

* * *

За два года мост, соединяющий замок с островом, еще больше разрушился. Камни осыпались и падали в черную воду. Ни один здравомыслящий человек, ценящий хоть сколько-нибудь свою жизнь, не ступил бы на этот мост, да и нечего делать было в заброшенном и разграбленном замке Данлюс.

Финтан замер на несколько мгновений, глядя издали на развалину древнего родового гнезда, подняв бледное лицо к небу. Бескрайняя пелена заволокла все вокруг. Он вслушивался в вой семи ветров, в обманчивые песни морских волн. Точно язычник, читающий знаки судьбы в полете птиц, он вглядывался в небо с прищуром, и пасмурное небо резало ему глаза даже таким невнятным блеклым светом, который украдкой просачивался сквозь серые облака.

Без тени сомнения и страха Финтан Макдонелл прошел по мосту, опустив голову себе на грудь. Едва ли он мог что-либо разглядеть – шарф и поднятый воротник закрывали взор. Скользкие камни то и дело покачивались, точно норовя пугливо отползти в сторону. Некоторым булыжникам это даже удавалось, и они летели вниз. Достигнув водной глади с резким всплеском, они надежно укрывались непроницаемой толщей холодного моря и долгие годы безмятежно покоились на сером морском песке.

Миновав мост, Финтан оказался под высокими сводами: голыми, пустыми и израненными пушечными орудиями и мародерами. Замок умирал, неумолимо и уродливо. Тем больнее было Макдонеллу ступать по фамильной обители, чем более полно и ярко в его памяти оживали годы величия и процветания.

Воздух тогда был смешан с медом и хмелем. Двери распахивали настежь, чтобы выпустить натопленный жар, а вместе с ним и бойкие песни с разнузданными куплетами. Но два года назад жизнь покинула эти стены, ее отсюда вырвали, прогнали на остров Ратлин, а оттуда – в пещеры. Дальше уже было некуда бежать.

Но день сменяет ночь, старые светила сменяются новыми. Наконец путеводная звезда Финтана воссияла на небосводе. Нет, юноша не видел ее света, и даже если бы грузно-свинцовая толща облаков разошлась по велению чьей-то могучей воли, он бы не увидел ее. Но сердце билось иначе, и сердце было не обмануть, оно согревалось этим ярко-багряным светом, светом самой жизни.

Нельзя было терять ни мгновения. Миновав пустые залы, Макдонелл спустился по разбитой лестнице со съехавшими вниз плитами. Глаза быстро приспособились к привычному полумраку подземелья. На ощупь Финтан побрел к тайнику в стене. Неизвестно, от чьих глаз он скрывал свои сокровища. Может, и от своих собственных, не будучи в силах смотреть на единственный осколок некогда великого рода. Разобрав камни и вытащив реликвию, обернутую в потертое сукно, Финтан крепко сжал в руках семейную святыню – отцовский меч и герб. Это все, что он смог сохранить. Больше ничего не осталось.

* * *

Раннее утро. По крайней мере, об этом провозгласил колокол, звучащий в паре километров от притаившейся бухты. Ничто больше вокруг не указывало на то, что близится новый день. Вся та же серая завеса окружала скалы и море, все путала и меняла местами небо и воду, верх и низ, стирая меж ними грань.

Лодка стукнулась о причал, вернув Финтана из мира смутных грез – странствия научили впадать в легкую дрему сидя и иногда даже стоя. Ощущение жизни медленно возвращалось к продрогшему телу, по коже пробежали мурашки. Глаза, расслабленные лишь на несколько минут, вновь зорко принялись вглядываться в тени, что блуждали по побережью. Знакомые рыбаки, лодочники и лавочники, нелепые и сгорбленные, брели сквозь туман. Какие-то долгоязыые дети с редкими зубами и впалыми щеками подманивали чаек рыбьими головами, а затем с оголтелым криком то ли ловили птиц, то ли распугивали их, стреляя из рогаток, или попросту швыряя булыжниками в птиц.

– Сэр? – сипло спросил старый лодочник.

Финтан очнулся и поглядел на перевозчика. В истерзанном цингой и скверной сыростью теле едва теплилась жизнь. Глубоко посаженные желтоватые глаза выглядывали из-под выдвинутых надбровных дуг. Дряблую кожу, казалось, можно было снять, как чулок или перчатку, которая сильно велика.

– Пора, – молвил лодочник.

Туман настиг и полностью окутал их. Финтан крепче прижимал к себе холщовый мешок, пальцы непроизвольно впивались в эти жалкие пожитки. Казалось, что не лодка движется, а могучие черные скалы-исполины грозно надвигаются, в последний момент не дают страшному року случиться и, смилостивившись в последний миг, отходят прочь. К плеску весел стали примешиваться голоса. Сердце забилось чаще, и единственное, что не дало приступу безумия настигнуть разум, – нос корабля с фигурой великолепной воительницы.

Взойдя на корабль, Финтан какое-то время стоял у борта, чувствуя приступ тошноты. За спиной раздавались свист и насмешки, по большей части от басистых моряков.

– Глянь-ка, как крутит салагу, а это мы с якоря не тронулись! – глумились моряки не столько от злобы, сколько со скуки.

Мучительная тошнота не отступила, но Финтан понял, что вот так, перекинувшись через борт, ничего не добьется. Когда началось плавание, он даже не заметил. Горизонт по-прежнему

был спрятан где-то там, в недостижимой дали, черные скалы молчаливо ждали, когда корабль уже уберется прочь из их обители.

Единственное, что оживило Финтана, когда он тупо и безучастно глядел на крутые дикие берега, – проклятый замок. Отсюда, с моря, разруха была видна куда больше. Когда-то родные стены, величественные и стойкие, сейчас медленно и мучительно принимали свою участь. Первыми обветшали крыши. Мост, по которому он еще накануне совершил восхождение, вряд ли продержится долго. Что-то упрямо твердило, что Финтан последний раз оказался в опустевших и обесчещенных стенах родного замка.

Новый приступ тошноты болезненно скрутил изгнанника. Едкая желчь обожгла горло и рот. Прошло несколько минут, прежде чем туман милосердно укрыл от глаз некогда родные стены, и корабль продолжил свой путь.

Небо постепенно делалось черным, равно как и вода. Финтан выбрал укромное место на палубе, откуда его не так сильно продувало, и, укутавшись сильнее, закрыл глаза в надежде, что сможет хоть немного выспаться. Но этим надеждам было не суждено сбыться. Грубый пинок в бок заставил открыть глаза.

– Эй, не разваливайся! – громыхнул жесткий бас. – Холодрыга лютая, хочешь дрыхнуть – в трюм.

– Мне не холодно, – ответил Финтан.

Моряк сплюнул и усмехнулся, скрестив руки на груди.

– Плевать мне на тебя, – пробасил он. – Тебя, дохляка, продует, и разнесешь заразу.

Финтан поднялся на ноги, хоть и едва держался на ногах от усталости.

– Мой тебе совет, голодранец, спустись в трюм и поспи нормально. Видал я покойников покраше тебя! – молвил моряк.

– И давно ты стал заглядываться на покойников? – спросил Финтан.

Не успел он договорить, как тяжелый кулак заехал ему по лицу.

– О, да ты остряк, парень? – рявкнул матрос.

Тяжелый сапог несколько раз ударил в бок, но все чувства смазались. Голова плыла и кипела болезненным варевом. Огонь наполнял виски, провоцируя новый приступ тошноты. Когда самообладание медленно вернулось к продрогшему истощенному телу, Финтан ощутил, что его куда-то приволокли за шиворот.

– Проспись, а, – матрос сплюнул наземь и поднялся по крутым скрипучим ступеням наверх.

Сон подбирался к ослабшему разуму. Противиться не было сил.

«Только не снова...» – пронеслось в голове Финтана Макдонелла, прежде чем кошмар захватил его разум.

И вновь затхлый запах сточных вод ударил в нос, и вновь Финтан стоял на зловонном дворе под недоверчивым взглядом тюремщика. Мира вокруг попросту не было, а если он и существовал, то предпочел затаиться, утонуть в непроглядном тумане. Лишь могучий замок тянулся вверх, как будто, плывя в этой тягучей серости, можно сохранить ощущение, где верх, а где низ.

– И откуда ж такое добро? – сишло спросил стражник, пробуя на зуб золотую медаль.

Финтан не мог пошевелиться, не мог молвить ни слова.

– Украл, поди? – хрипло засмеялся стражник. – Но ты прав, это не мое дело. Пошли, доходяга.

Ноги шевелились против воли. Финтана обдавал холодный пот, и, будь при нем хоть крупница собственной воли, он бы не смел войти вновь под темные своды сырого подземелья. Но сейчас человеческая воля была бессильна, и заколдованный жернов продолжал идти по кругу. Они спускались глубже и глубже. От спутника несло спиртом, потом и гнилым мясом.

– Этот гордый, – предупредил стражник, тяжело громыхая сапогами. – Почти не ест. Заморить себя не заморит – все они так, нос воротят от жратвы, а потом, уже обезумев от голода, жрут с пола как миленькие! А куда деваться? Погорюет старик и посмирнеет.

Сердце колотилось так громко, что заглушало сиплую болтовню пропойцы-стражника. Тот миг неумолимо приближался. Финтан стоял напротив окованной двери, и стражник озираясь по сторонам.

«Нет, не надо, не открывай...» – хочет сказать Финтан, но аркан уже затянут, и голоса нет. Теперь все, что остается, – это смотреть, снова видеть это, быть в этих покоях незримым и бесплотным наблюдателем.

Поворот ключа прозвучал приговором. Дверь отворилась.

– Живей, – горкло бросил стражник, прислонившись к стене.

Финтан переступил порог. Чувствительные глаза, вспоенные безлунными ночами и одиноким мраком, быстро привыкли к крошечной тьме. Нет никаких слов, чтобы передать ту скорбь в фигуре старика. И скорбь – совсем не то чувство. Его невозможно описать, не испытывав в своем сердце, не разбив его навсегда и безвозвратно на мелкие кусочки, а затем смешав и перетерев с холодным битым стеклом. Переживя такое, теряешь дар речи, и поэтому для этого чувства нет названия. Но когда Финтан смотрел на отца, на Сорли Макдонелла, на ум приходило только слово «скорбь». Старик не шевелился.

– Прости, – шепотом произнес Финтан. – Я опоздал...

Старик не шевелился. Все шло слово в слово, ни на строчку не отклоняясь от накатанного желоба.

– Я узнал, где ты, и я пришел дать тебе слово, что вытаску тебя, – бормотал Финтан, и последние слова срывались сиплым свистом.

Незримая удавка затягивалась туже. Руки холоддели. Финтан не мог вымолвить ни слова о том, как он пережил резню, как искал отца на материке, как пробрался сюда, как делают крысы, даже когда никакой лазейки нет. Разум не находил никаких слов. Сердце было на пределе, если не переступило его. Смерть и боль стали верными спутниками Финтана, и теперь, впервые за несколько месяцев, он не терял, а находил. Сын терпеливо ждал, когда отец очнется. Но проходило слишком много времени.

– Ты не узнаешь меня? – не выдержав, на грани помешательства, а может, и переступив эту грань, прошептал юноша.

И Сорли Макдонелл очнулся. Мрак расступился, и очень скоро Финтан возжелал бы, чтобы крошечная тьма вновь сомкнулась, как воды черного океана. Взгляд шевельнулся и медленно обратился на Финтана. Старые глаза уже принадлежали миру мрака и забвения, и им не нужен был свет, чтобы видеть так же ясно, как днем. Старик видел огненно-рыжие волосы, ниспадавшие на худое лицо, видел зеленые глаза, застывшие с мольбой и ожиданием. Узкие ноздри едва-едва трепетали, боясь дышать. Старик Сорли вглядывался в это лицо, и чем дольше он глядел, тем сложнее ему было в это поверить. Голос ослаб за долгий срок безмолвия, но все же уста старого Макдонелла дрогнули.

– Фин... Финтан... – с трудом произнес старик.

Вздых облегчения и всеокрыляющей, всепрощающей радости наполнил душу юноши. По всему телу прошла дрожь, точно его окатили ледяной водой. Слова стояли в горле, рот пытался глотать воздух, чтобы совладать с охватившим его волнением и счастьем. Финтан не знал, что улыбался, просто в какой-то миг ощутил, что скулы сводит крутой болью, но не мог ничего с собой поделать. О прозрении отца и были все молитвы, и они сбылись, и тут же рассыпались в прах.

– Я молился каждый день, чтобы ты сдох, как и все... – прошептал старик тихо и глухо, но Финтан расслышал все.

Проблеск разума в его усталом взгляде пробирал до дрожи. Сорли не просто уставился перед собой, он четко глядел в глаза.

– Я не... – задыхаясь, попытался оправдаться Финтан.

– Будь ты проклят, – сказал старик Сорли и вновь умолк.

Улыбка все еще не сошла с лица юноши. Финтан не верил услышанному, но проклятье оттого никуда не делось. По щекам старика покатались слезы. Голос Финтана срывался, дрожал на грани отчаяния, а через несколько мгновений черта была преступлена. Он выл нечеловеческим голосом, умоляя отца о прощении, но Сорли был глух к этим мерзким стенаниям. В итоге стражнику пришлось силой уволочь его прочь из тех покоев смерти, в которые Финтан будет всю жизнь возвращаться в своих кошмарах.

Мучительное пробуждение наступило уже в порту.

– Прибыли в Плимут, господа! – торжественно провозгласил матрос на весь трюм.

Глава 2. Прибежище

Наконец-то под ногами была твердая земля. Глаза не сразу привыкли к солнечному свету, который брезжил сквозь рваные клочки облаков, плывущих по небу. В порту бурлила жизнь, от которой легко отвыкнуть, если провести долгие месяцы в хмуром Портраше.

Здешний воздух полнился бранью, рыбой и едким запахом смолы. Набережная не знала продыху, принимая новых гостей и товары. Здоровенные матросы ковыляли, перегруженные тугими мешками с мукой, овсом или шерстью. На самых дальних двух причалах стояли суда на ремонте, оттуда разносились грызня пилы и биение молотков. В отдалении стояли несколько господ в черном с испанскими воротниками. С пристальным вниманием они оглядывали кипевшую жизнь вокруг них, но, очевидно, благородные господа обособляли себя от оной. Предпочитая роль наблюдателей, они, переговариваясь меж собой, прикрывали пол-лица руками в белых перчатках, чтобы их беседу не прочли по губам.

Рассудок Финтана, изъеденный ночными кошмарами, еще был слаб и никак не был готов к обрушившемуся на него с самого пробуждения гаму. Ночь с ее ненасытными кошмарами скорее измотала, нежели дала новых сил. Оглушенный и растерянный, он пребывал в смятении какое-то время. Двое бесцеремонных грузчиков едва не сшибли его с ног. Финтан успел посторониться, уклонившись от них.

Благородные господа в черных одеяниях сразу привлекли внимание, и, судя по тому, как бархатная стайка стала перебрасываться меж собой взглядами и снисходительными пересмешками, внимание это было взаимным.

– Доброго дня, господа. Я ищу мастера Френсиса Дрейка, – голос предательски дрогнул, когда это проклятое имя сорвалось с уст.

– Что-что? – переспросил один из аристократов, слишком круто и театрально подавшись вперед и изобразив неимоверно глубокое интеллектуальное усилие на своем лице.

– Мастер Френсис Дрейк, – спокойно произнес Макдонелл.

Едва ли колкость стала для него неожиданностью.

– Ах, мастер Дрейк? – Благородный господин в бархате премного удивился.

Будучи и без того высокого роста, он выпрямился еще больше, сильнее подчеркивая собственное превосходство.

– С каким же делом? По вашей речи вы не то ирландец, не то шотландец. Я с трудом понимаю, что вы там бормочете. И все же, вы ищете мастера Дрейка? С каким же делом? – глумливо продолжал господин, бросая насмешливый взгляд то на Финтана, на его потертое одеяние, то на своих друзей, которые так и ждали подобного развлечения.

– Вас это не касается, господин, – сухо ответил Финтан.

– Говорите чуть-чуть медленнее, – усмехнулся аристократ, вновь смерив собеседника взглядом.

– Ваш слух уже слабеет, мастер Дэвис? – вмешался один из аристократов, не дав Финтану высказаться. – Неудивительно, дружище! Для ваших-то лет. Но тем не менее прискорбно, прискорбно.

Обращение «дружище» выглядело как минимум неуместно – вмешавшийся молодой человек был самым юным в своей компании. Из-под шляпы, сдвинутой чуть набекрень, струились волосы цвета воронова крыла, собранные на затылке в низкий хвост. Под высокими скулами залегли тени, какие свойственны людям, не год и не два жившим впроголодь. Однако юноша не выглядел обделенным – пусть и несколько худоватое, но все же здоровое открытое лицо излучало прямо-таки завидное здоровье. Тонкие губы самодовольно ухмылялись, ибо брошенные слова возымели успех и откликнулись усмешкой. Светло-голубые глаза ясно гля-

дели из-под полуопущенных век. Самой выразительной чертой был узкий орлиный нос с горбинкой и острым кончиком.

– Я Джонни, – представился юноша и, откинув плащ с плеча и обнажив испанскую рапиру, протянул руку.

– Шеймус Уолш, – молвил Финтан, пожимая руку.

– В другой бы раз соврал, что мне жаль покинуть столь приятное общество, – молвил Джо, когда они уже немного отошли прочь от благородных господ, но все же их могли слышать, на что, очевидно, Джо и делал расчет. – Но не в этот раз. Вы прямо-таки мой спаситель! Так что в качестве благодарности меньшее, что я могу сделать, – это представить вас капитану. Он прекрасной души человек и превосходный генерал.

– Должно быть, на хорошем счету у самого величества? – спросил Финтан.

– Раз он возглавляет это дело, так оно и есть, чему я, между нами, несказанно рад, – признался Джо, положив руку на сердце. – Едва ли я знал за свою жизнь человека более достойного.

Финтан скрестил руки на груди и пожал плечами, гоня прочь мысли о той проклятой ночи.

– Вижу его, – молвил Джо и сорвался с места.

Финтан не успел ничего подумать, как поспешил за своим проводником, пробиваясь сквозь толкотню. Подоспел Джо буквально в последний момент, когда трос стремительно ускользал по земле, меж сотен тяжелых сапог. Шляпа слетела с головы и упала прямо на грязную землю, но всем было плевать, и больше всего – самому Джо. В последний момент он успел схватить веревку, и ладони обожгло резким трением. Финтан не оставался в стороне и подоспел вовремя. Они втроем удержали грубый трос, не дав грузу беспощадно обрушиться и разможжить под своей тяжестью матросов.

– Ты чертовски вовремя! – рыкнул капитан, к которому и ринулись на помощь молодые люди.

Дрейк отряхнул руки, порядком натертые тросом, и помог встать с земли работягам, которые поскользнулись и грохнулись. Проворность Финтана и Джонни была как никогда кстати. Капитан выпрямился в полный рост и прогнулся в пояснице. Он выглядел лет на сорок, хотя на самом деле был несколько старше. Русые волосы, убранные назад, знатно растрепались и выглядели небрежно. Острая борода и усы были заметно темнее шевелюры. На висках и лбу, исчерченном несколькими неглубокими морщинками, блестели капельки пота, которые капитан вытер рукавом коричневого сюртука. На поясе поблескивала рапира, достойная быть оружием великого полководца. Финтан сразу заметил сложный узор, выкованный, скорее всего, за пределами Англии с большим мастерством, знанием дела и из дорогого металла. И тем страннее было видеть, как такое сокровище скромно выглядывает из тени плаща, более под стать капери средней руки, нежели генералу ее величества.

– Я тебе привел кое-кого, – произнес Джонни, отряхивая от грязи шляпу, по которой уже успели пару раз пройти.

– И кого же? – спросил капитан, разглядывая Финтана.

– Шеймус Уолш. А кто он – вообще-то без понятия, – пожав плечами, усмехнулся Джонни.

Дрейк прыснул себе под нос, тряхнув рукой, сжав и разжав кулак несколько раз.

– Картежник? – спросил Дрейк.

– Умею в пикет, но не азартен, – ответил Макдонелл.

– Тогда я безмерно рад, что мой дорогой Джонни обзаводится такими друзьями, – довольно кивнул Френсис, бросив короткий взгляд на Джонни, который только-только надел шляпу и оправлял волосы под ней. – Ты, часом, не от Ландсберга?

Финтан мгновение колебался, но все же отрицательно мотнул головой. Дрейк поджал губы и с коротким недовольством оглядел пристани.

– Нет, от графа Готье, – произнес Финтан. – У меня есть рекомендация.

Эти слова, очевидно, смутили капитана. Подозрительная тень сомнений легла на лицо Френсиса, и он пристально взгляделся в юношу перед собой.

– И почему капитан узнает об этом в последнюю очередь? – вздохнул Френсис.

– Мой господин до последнего тянул с тем, чтобы отпустить меня, – сказал Финтан. – Видимо, я прибыл даже раньше, чем его послание к вам, которое он отправил мне вслед.

Капитан чуть приподнял брови и резким взмахом вновь сбил шляпу с головы задиры и обратился удовлетворенным взглядом к незнакомцу. Конечно, внешний вид Финтана не внушал доверия, его предстоит еще завоевать, пройти немало испытаний. И сейчас было одно из первых – пристальный взгляд капитана, пронизывающий насквозь. Пришлось подавлять суетливое волнение, кричащее желание чего-то маленького и ничтожного в глубине своей души, которое истошно кричало и просило, умоляло броситься в бегство. К этому отвратительному существу Финтан прислушивался слишком долго, и сейчас пора было отринуть эту сущность. Он расправил плечи, и со стороны даже могло показаться, что юноша подражает капитану, если не откровенно поддразнивает его. Так или иначе, Финтан заложил руки за спину, и так они смотрели друг на друга, пытаясь разгадать другого, не дав разгадать себя.

– От кого ты, повтори-ка? – наконец спросил капитан.

– От графа Рене Готье, – ответил Макдонелл.

Не как оправдание или защиту, а как гордое знамя он достал и предъявил письмо.

– Рене? Который младший сын? – Френсис потер подбородок, явно пребывая в замешательстве от таких новостей.

– Я служил их семье много лет, и меня отправили в Лондон вместе с его светлостью, графом Рене Готье, – глаза Финтана невольно прикрылись веками. – Всю свою жизнь я мечтал покорить море, и мой господин смиловился и посему написал рекомендацию вам, генерал Дрейк.

Френсис бегло пробежался по строкам и подписи. Взгляд помрачнел, капитан грозно зыркнул исподлобья.

– Почему-то мне казалось, что у нашего месье почерк поаккуратней, – развел руками Френсис, не скрывая недоверия в своем голосе.

– Мой господин сломал правую кисть, когда писал эти строки, и пришлось писать левой рукой, – чуть помрачнев, вздохнул Макдонелл. – Он передал еще один знак, чтобы заверить вас.

С этими словами Финтан достал из внутреннего кармана кольцо-печатку и протянул его капитану. Дрейк принял драгоценность, поглядел на него и передал Джонни, который тоже немало заинтересовался таким поворотом событий. Макдонелл терпеливо ждал исхода этого суда, который вершился здесь и сейчас, на шумной пристани. Его лицо находилось в полушаге от человека, который в любой момент мог вспомнить Ратлин.

Тревога снедала Финтана, и его будто прибило к земле намертво, когда капитан резко обратил лукавый взгляд, улыбнулся и что-то произнес. Финтан не понял ни единого слова. Капитан говорил на неизвестном языке: скорее всего, это был французский. Финтан застыл, застигнутый врасплох, не в силах перебороть оцепенение. Когда молчание затянулось, Френсис, вероятнее всего, повторил свой вопрос, и ответа по-прежнему не было.

Финтан усмехнулся и развел руками.

– Я служил не так долго, чтобы выучиться латыни. Или французскому? – признался Макдонелл. – На слух мне трудно понять.

– Давай сразу к той части, где ты объясняешь, какого черта я не должен повесить тебя на воротах? – спросил капитан, скрестив руки на груди. – А то что-то кажется, именно это я и должен сделать, Рыжий Лис, пока ты ничего не украл и у меня.

– Я не вор, – твердо ответил Финтан. – Потому я прошу вас о большой чести, капитан, – при встрече с графом верните ему кольцо и передайте мою искреннюю благодарность его светлости, ведь именно благодаря его заступничеству я служу в вашей команде.

– Ты гляди, какой напористый! – насмешливо присвистнул капитан. – Уже служит у меня, проныра!

Макдонелл с широкой улыбкой развел руками.

– Я добьюсь места в вашей команде, капитан, – Финтан опустил взгляд. – Выйти в море и служить подле вас – моя мечта, ради которой я просыпаюсь по утрам и засыпаю ночью. Вам лучше не знать, через что я прошел, чтобы оказаться здесь, в Плимуте. Поверьте, вы ужаснетесь, узнав, как дорого я готов заплатить.

Френсис не таил удивления и переглянулся с Джонни.

– Польщен, – после некоторой паузы молвил Дрейк. – И от кого же ты так обо мне слышан?

– От отца, – произнес юноша, голос почти не изменил ему, лишь едва-едва дрогнул. – Он тоже был капитаном.

– И как его имя? – спросил Френсис.

– Вы вряд ли вспомните его, если я назову, – Финтан отвел глаза.

Сердце продолжало колотиться, но уже смиряло пыл. Капитан коротко кивнул Джонни, их третьему скорее наблюдателю, нежели собеседнику. Юноша принял этот жест, коротко кивнул, коснувшись кончиками пальцев своей шляпы, и удалился прочь, оставив капитана и Финтана.

– Что ж, Шеймус, ты наглый сукин сын, и мне это нравится, – молвил капитан и кивком пригласил следовать за собой.

Они дошли до трехмачтового небольшого галеона, и Дрейк с торжествующей гордостью оглядел судно.

– Под стать Магеллану, – мечтательно протянул капитан.

С уст юноши сорвалась резкая усмешка. Имя морехода блеснуло светлой памятью о тех временах, когда душа не была разбита на части, обескровлена и наполнена едким ядом. Когда-то было такое время. Финтан ухватился за уроки истории, как за соломинку. Далекое воспоминание, но такое живое. Промасленные страницы с выцветшими чернилами так сложно разъединялись меж собой, и приходилось мусолить палец снова, чтобы листы пергамента разошлись.

– Надеюсь, что нет, – ответил Финтан, и хмурый его голос смягчился.

Как будто запах воска и старых переплетов отцовской библиотеки был здесь, подле него.

– Отчего ж? – Дрейк повел светлой бровью.

– Магеллан получил несколько гнилых корыт, – пожав плечами, ответил юноша, рассматривая фрегаты у пирса.

Они казались нереальными, просто картинками из книги, теми рисунками, которые вдохнули в него в самом детстве мечту о покорении необузданного моря.

– Но Магеллан, конечно, вдохнул в них жизнь, – Финтан слишком поздно заметил, что его уста чуть дрогнули и уже начали расплываться в светлой улыбке.

Вовремя взяв себя в руки, он собрался с силами.

– Повторю, – сглотнув, произнес Финтан. – Надеюсь, эти корабли не похожи на ту рухлядь.

– Неплохо, Рыжий Лис, – улыбнулся капитан с лукавым прищуром. – Сколько тебе лет?

– Двадцать, – ответил Финтан.

Дрейк недовольно цокнул и сплюнул наземь.

– Подумай хорошенько, прежде чем ступать на борт, – предупредил Френсис. – Даю ли я добро? Да, черт возьми, ты тот еще сорвиголова, я погляжу. В море мне нужны такие парни. Но, чур, потом пеняй на себя.

– Я не первый год вынашиваю это намерение, – произнес Макдонелл, положив руку на сердце.

– Ну, стало быть, недельку еще походишь, не убудет с тебя, – пожал плечами капитан и обратился взором к морю.

* * *

С крепостной стены открывался вид на море. Впервые за долгие месяцы, едва ли отличимые друг от друга, там, вдалеке, виднелся горизонт. Тонкая грань, разделяющая воду и небо, была чем-то новым и завораживала взгляд. Финтан стоял, упершись локтями о холодный камень. Усталый взгляд бездумно устремился куда-то вдаль, где догорал бледный зимний закат, прячась в низких облаках.

Воздух становился все холоднее и холоднее. Выдохнув облако пара, юноша потер немеющие руки. Пальцы еще шевелились, но почти не ощущались, лишь изредка покалывали жжением.

«Дрейк. Норрейс». Эти имена будто были выдавлены раскаленным клеймом на груди, и будто благодаря этой метке давно мертвое сердце все еще билось.

Финтан кутался сильнее, укрывая уши и голову шарфом. Крепостные стены едва ли кому-то пригодятся в этот поздний час. Караула тут не несли, так что были все шансы остаться незамеченным и провести эту ночь в глубоком сне, какой приходил к юноше только на открытом воздухе, несмотря на пронизывающую сырость и холод.

Если бы кто и шел, то вряд ли заметил бы забившуюся в угол бесформенную фигуру, и никому в голову бы не пришло, что живой человек по своей воле и без принуждения будет ночевать как бездомная крыса на голых камнях, когда двери крепости открыты для страждущих. Так надеялся Финтан. Уткнувшись носом в шарф и согреваясь собственным дыханием, он сомкнул глаза.

– Вы живы? – спросил чей-то голос.

Чья-то рука открыла лицо Финтана, сняв шарф, плотно прилегающий к лицу.

К лицу и шее тут же хлынул промозглый воздух, заставив вздрогнуть всем телом и даже постучать зубами.

– Прошу вас, немедленно вернитесь в крепость, вы тут окоченеете насмерть! – велел женский голос.

Финтан злобно хмурился спростонья, пытаясь разглядеть, кому не спится по ночам. Прямо над ним склонилось лицо молодой девушки. Холодная ночь быстро наполнила пунцом ее маленький узкий нос и щеки. Во влажных от холодного ветра глазах плавали отблески фонаря, что стоял на земле. Черные неровные брови обеспокоенно свелись к переносице. Только когда сонные глаза юноши привыкли к темноте и смогли внимательнее взглянуть в это, в общем-то, приятное и даже красивое лицо, стал заметен мерзкий изъян. По верхней губе до самой ноздри тянулся глубокий шрам. Наверное, это-то и заставило Рыжего Лиса перевести взгляд за спину девушки, которая, судя по одежде, была служанкой. Прямо позади нее стояла фигура госпожи в меховой накидке и бархатном платье с вышивками.

– Мне не холодно, – ответил Финтан, вновь закутываясь.

Пока госпожа лишь удивленно подняла светлые брови, служанка прикоснулась грубыми костяшками к носу и щекам юноши, к крайнему неудовольствию последнего. Финтан резко повел головой, не давая трогать себя, и стиснул зубы от боли, ибо пребольно ударился затылком о стену.

– Да он продрог насквозь! – испугалась юная служанка, обернувшись через плечо.

– Юноша, вы пойдете с нами в замок, – приказала госпожа. – Если вы ищете смерти, так не в стенах моего дома!

– Вставайте-вставайте! Небось, уже ног не чувствуете? – Служанка со шрамом не оставила права на возражения, схватила Финтана за локоть и потянула с неожиданной для девушки силой.

Крайне довольная собой, калека убрала пряди черных кудряшек, которые выбились, когда чепец съехал набекрень. У госпожи Рыжий Лис вызывал немало внимания, но это был скорее пристальный надзор за незнакомцем, нежели теплая радость и интерес, которыми зачастую одаривают людей, когда чувствуется, что вам суждено стать хорошими друзьями. Однако холодный оценивающий взгляд чуть сгладился какой-то теплой радостью узнавания.

– А я вас видела, вы о чем-то беседовали с моим мужем? – спросила она.

Теперь эта радость была взаимна. Макдонелл не скрывал разливающейся внутри доброй радости.

– Вы госпожа Дрейк?.. – восторженно молвил юноша и низко поклонился.

Женщина подала свою руку, и юноша поцеловал ее.

– Боже, да вы замерзли! – ужаснулась миссис Дрейк, едва окоченевшие уста коснулись ее кожи. – Мы возвращаемся в замок, и это не обсуждается, молодой человек. Френсис не простит мне, если кто-то из его людей погибнет еще до отправления.

– Вы слишком добры ко мне, госпожа Дрейк, – молвил Финтан, положив руку на сердце. – Мне не выразить своей благодарности, и, право, боюсь, я не заслуживаю вашего гостеприимства.

– Не выдумывайте, и пойдете скорее в тепло, – приказала Мэрри.

Финтан растер руками лицо, не только для того, чтобы разогнать кровь, но и с тем, чтобы скрыть ухмылку. Рыжий Лис, поражаясь такой удаче – лично познакомиться с госпожой, с большим желанием согласился следовать за дамами.

– Вы от Ландсберга? – спросила госпожа Дрейк.

– Нет, – мотнул головой Финтан, но мысленно отметил это имя. – Мое имя Шеймус Уолш, я направлен служить подле вашего супруга.

– Рада слышать, – кивнула госпожа Дрейк, когда они остановились возле большой двери.

Служанка со шрамом бойко заколотила тяжелым кольцом, поразив Финтана тем, сколько прыти в этой калеке. Дверь отворили, и все трое зашли внутрь. В коридорах не топили, но по сравнению с крепостной стеной, обдуваемой со всех сторон подлыми морскими ветрами, ощущалась разительная перемена.

– Вам нужно согреться, – сказала госпожа Дрейк. – Рей, сделай нам чай.

Рыжий Лис поглядел на Рей – как будто решил проверить, точно ли слова адресованы служанке. То, как девушка со шрамом засуетилась, не оставило сомнений.

– Благодарю, госпожа Дрейк, – сипло молвил Финтан и прочистил горло. – Вы так добры.

– Отчего вам так не спится в стенах человеческого жилья, что вы забились в угол на радость всем ветрам? – осведомилась хозяйка.

– Они меня убаюкивают, – прикрыв глаза, признался Рыжий Лис.

– Вот как? – удивилась Мэрри.

– О да, – с удовольствием протянул Финтан. – Будь сон зверем, ко многим он приходит как домашний пес – он сам находит вас, где бы вы ни решили вздремнуть. Мягкий теплый бок прижмется к вашему или будет греть ваши ноги. Он будет оберегать ваш разум от всех тревог, которых у вас, госпожа, вероятно, немало. Но мой сон иной.

– И что же это за зверь? – спросила хозяйка.

– Не знаю, – пожал плечами Макдонелл. – Что-то маленькое и хитрое, которое не изловить никакими силками и ловушками. Оно обожает сырое кровавое мясо и чует любую отраву за милю. Мне не поймать его, даже не схватить за хвост. Все, что я могу, – лечь и закрыть глаза, не шевелиться, стать холодным и надеяться, что оно выглянет из своего убежища, бесшумно подкрадется и обнюхает меня влажным носом. Это подарит мне несколько часов покоя, но

стоит мне шевельнуться, стоит вздохнуть чуть громче обычного – и тень улизнет прочь. Оно любит холод. Оттого я и сплю на улице, открываясь всем ветрам, – чтобы приманить это нечто.

Госпожа Дрейк слушала этот рассказ, изредка ее брови хмуро сдвигались, а около губ залегала складка то ли презрения, то ли сочувствия – порой эти два чувства имеют примеси друг друга. Если она и хотела что-то сказать, то в последний момент передумала и лишь жестом пригласила следовать за ней. Коридоры и пара лестниц вывели к просторной комнате с высокими сводчатыми потолками. Окна были занавешены тяжелым расшитым бархатом, на настенных гобеленах бушевало море, топя лодки и большие корабли. Трещал камин, и комната успела наполниться теплом к приходу госпожи и ее спутника.

Длинный стол тянулся вдоль всего зала. На краю блестели лакированные фигуры для игры в шахматы. Игра, верно, была прервана на середине, и пешки с ладьями лежали вперемешку. У стола хлопотала та самая Рей, перенося посуду с подноса на стол. Помимо чая, было подано сладкое угощение: засахаренные фрукты, драже и марципановые пирожные. Финтан с досадой оглядел угощение и сплотнул.

– Уже все готово, госпожа Мэрри, – молвила Рей, суетливо расставляя серебряные блюда.

Финтан стоял в оцепенении, пока хозяйка замка плавно приблизилась к столу и заняла место во главе.

– Присаживайтесь, можете угощаться, – пригласила миссис Дрейк.

– Благодарю, – кивнул Рыжий Лис и сел подле Мэрри.

– С капитаном вы тоже говорили о жутких зверях? – спросила госпожа.

– В какой-то мере, – кивнул Финтан.

– В какой-то мере? – переспросила Мэрри.

Финтан хотел было ответить, но отвлекся на служанку. Девушка бесцеремонно тянулась через весь стол, прихватывая сразу три пирожных в руку, задев еще два соседних. Зыркнув из-под длинных черных ресниц на госпожу и на гостя, девчушка, видимо, ничуть не стыдилась ни своей жадности, ни appetитов. Встретившись взглядом с Финтаном, она спокойно и с большим наслаждением, безо всякого стеснения, набила рот сладостями, а пока жевала, кажется, взглядом искала, чем бы еще полакомиться. Манеры оставляли желать лучшего – она облизывала пальцы, испачкав губы, щеки и даже нос в сахарной пудре. В этот момент все уродство шрама как будто оживало, вилось мерзким червем, снова и снова кривя в общем-то красивое лицо на новый манер. С таким увечьем точно не пристало так кривляться. Финтан отвернулся и, к своему удивлению, заметил, что госпожа Дрейк либо не замечает поведения служанки, либо попросту дает на то дозволение.

– В какой-то мере, говорили не столько о жутком, сколько о непонятном звере, – продолжил Рыжий Лис. – То есть речь шла обо мне.

Мэрри усмехнулась, как умеют усмехаться благородные дамы, умеющие держать себя в обществе, и чему юной Рей только предстояло научиться. Служанка зажимала рот руками, чтобы сладости не упали перед ней на стол. Рыжий Лис вновь решил не обращать внимания на эту обжору, отмечая для себя, что раз эта девчушка имеет право себя так вести, на то есть причина. Причину эту надо если не разгадать в ближайшее время, то хотя бы не пренебрегать ее существованием.

– Капитан проверял меня, – продолжил Финтан.

– Он показывал тебе «Пеликана»? – спросила Мэрри.

– «Пеликана»? – переспросил Рыжий Лис, сведя брови.

Кажется, Рей хотела встрять, но толком разобрать ни слова не получилось. Она почти сразу закашлялась, не прожевав толком сладостей. Видимо, кусок пошел не в то горло, и это, судя по всему, было попросту вопросом времени, когда случится нечто подобное.

– Рейчел?.. – беспокойно воскликнула госпожа Дрейк и выпрямилась в кресле.

Служанка жестом заверила, что все в порядке. По мере того как женщина обеспокоенно смотрела на Рейчел, Рыжий Лис все больше уверялся, что эта Рейчел тут не просто так и что-то за этим кроется, ведь ее не просто терпят, но, очевидно, и оберегают.

– «Пеликан» – это галеон, – госпожа Дрейк вновь обратилась к гостю. – На нем супруг и отправится в плавание через несколько дней.

Голод, подтачивающий силы Финтана уже второй день, становился невыносимым, но Рыжий Лис стойко переносил эту слабость. Однако щедрое застолье усиливало его страдания.

– Вы можете угощаться, Шеймус, – вновь призвала Мэрри.

– Мне все еще нехорошо с дороги, – замотал головой Рыжий Лис.

– В самом деле? – удивилась госпожа. – В таком случае то, как вы держались перед капитаном, еще более похвально.

– Как много вам удалось разглядеть, – усмехнулся Финтан.

– Когда становишься хозяйкой замка, приходится глядеть в оба, – пожала плечами Мэрри.

– Как будто гостям не приходится, – молвил рыжий и сразу же поспешил добавить, положив руку на сердце: – Разумеется, я не о вашем доме.

– Неужели речь о доме Готье? – спросила Мэрри.

– Вы же понимаете, что этикет меня обязывает отозваться хорошо о доме моих господ, что бы там ни творилось, – пожал плечами Финтан. – Как бы вам ни было странно слышать это от человека, предпочитающего спать на улице.

– В самом деле, довольно необычно, – кивнула госпожа Дрейк. – Однако удача на вашей стороне. На службе у моего супруга вам придется частенько ночевать под открытым небом.

– Скорее надо думать о том, как бодрствовать, – сказал Финтан. – Сон, он так или иначе придет.

– А что же вы рассказывали про уваливающее хитрющее существо? – прищурилась Мэрри.

– Оно само подползет, когда мое тело рухнет без сил, – ответил Рыжий Лис.

– Что за существо? – оживилась Рейчел. – Вы о чем?

– Мастер Уолш не лишен поэтического дара, – ответила за него госпожа Дрейк. – И свою бессонницу описывал... может, вы сами повторите? Боюсь, я не перескажу все так же красочно.

– Как я могу отказать вам, госпожа? – покорно молвил Макдонелл. – Я лишь оправдывался, что не просто так, не на потеху и не ради стоического смирения спал на голых камнях под вой семи ветров. Попросту иначе ко мне не идет сон. Я позволил себе каждую ночь сравнить с охотой. Вот только я не бегаю за зверем наперевес с ружьем, хотя чего скромничать – эта забава мне по душе. Но сон – это же не глупая косуля или куропатка. Его не выследить, не вцепиться за длинные уши или лапы. Мне только и остается, что замереть и ждать, когда ко мне придет долгожданный покой, подкрадется бесшумным зверем. Уже стало доподлинно ясно, что на холоде мне легче приманить это нечто.

– Как занимательно! Но право, мастер Уолш, как же после этих слов вы говорите, что у вас нет проблем с тем, чтобы уснуть? – спросила Рейчел.

– Видимо, не так выразился, – поджав губы, Рыжий Лис прищурился и вскоре продолжил: – У меня наяву дел куда больше, нежели в мире грез.

– В самом деле, ему не чужды красивые слова, – радостно закивала Рейчел, сложив ручки друг к другу.

Рыжий Лис обратил внимание не только и столько на радость дурочки-служанки со шрамом, сколько на довольную полуулыбку госпожи Дрейк.

– Я смог хоть немного развлечь вас? – спросил Финтан Макдонелл в самый подходящий для того момент.

– Ну только самую-самую малость! – весело ответила Рейчел и сделала жест, как будто ухватила большим и указательным пальцем крохотную мошку.

Затем она как будто спохватилась и украдкой поглядела на свою госпожу. Взгляд стал настороженным, как у крольчонка. Поглядев в сторону госпожи, калека Рейчел встретила с теплым и заботливым взглядом. От этой нежной заботы у Рейчел вырвался добрый радостный смешок, и Рыжий Лис разделил это веселье, хоть и по другим причинам. Финтан встал из-за стола, боясь не удержать взятый рубеж. Он хотел, чтобы на этом звонком смехе и закончился этот вечер, чтобы именно таким он отложился в памяти госпожи Дрейк.

* * *

Финтан навалился всем телом на дверь, которая только что закрылась. Не глядя он всунул ключ в замок и резко повернул. Тот рывкнул в заверении, что никто не потревожит Рыжего Лиса.

Глаза смыкались сами собой, к горлу подступало невыносимое удушье, какое настагает несчастных копателей в шахтах или искателей в пещерах. Воздуха не хватало.

«Вот мы и прокрались...» – подумал он и отстранился от двери.

Воздух стоял какой-то пустой, которым невозможно насытить грудь. Бесполезные вздохи вновь и вновь тщетно пытались урвать свежий глоток.

Ставни были отворены настежь. Решеток на окнах не было. Это была особенная ночь. Гулкий шум моря, хоть и терял свою силу, но благозвучно доходил до слуха. Могучий океан ласково убаюкивал своим мерным пением, снова и снова накатывая на скалы.

Финтан глубоко вдохнул морской воздух, отчего его пробрало до дрожи. Это звенящее ощущение прокатилось незримой волной от макушки, холодком скользнуло по затылку. В груди разлился необъяснимый прилив сил, и в этом порыве тело само, не спрашивая к тому никакого дозволения, встало обеими ногами на подоконник.

Сознание вспомнило, что стоит при таких обстоятельствах испытывать страх, только когда Финтан обнаружил, что низко свесился над скалистой бездной и смотрел туда, вниз, в беспросветный мрак. Захватывало дух, руки дрожали, так и норовя отпустить ставни, разжать кулаки. Эта ночь точно была особенной. В самом воздухе стоял дурманящий яд, который нашептывал на ухо, что не будет никакого завтра, что нет никакого сегодня. Есть скалы и вечная ночь, и рассвет никогда не забрезжит, а если небо и начнет светлеть, если заря все-таки наступит, какая уже разница? Один шаг, всего один шаг отделяет тебя от бездны, которая навсегда укроет от боли, страха, от удушья, от этих тисков, которые сдавливают горло с каждым днем все сильнее.

Хотелось орать, и Финтан орал во всеуслышание, до хрипа, до боли в горле, как будто хотел перекричать вечный шум океана. Когда крик уже срывался рвано и сипло, вместе с этими болезненными воплями выходило что-то из самых глубин, какая-то зараза, что глодала душу, грызла изнутри, как червь изъедает трупную плоть.

Когда горло начала разрывать боль, а в груди не осталось никакого воздуха, когда дыхание стало даваться с трудом и с болью отдаваться в глотке, лишь тогда живейший ужас охватил Финтана, и он, не помня себя от страха смерти, так резко подался назад, что попросту рухнул на пол, пребольно ударившись спиной.

Он зажмурился и закрыл лицо руками, и долго не мог прийти в себя. Худые плечи лихорадочно содрогались, а слезы стекали по лицу. То был не плач и не смех, а нераздельная мешанина, когда чувства сталкиваются одно с другим, и в этом разломе таится inferнальный огонь, который жжет глаза, когда на них выступают слезы счастья или когда в отчаянном помешательстве раздается веселый радостный смех. Что-то такое, безобразное и всеносящее, сейчас

охватило душу Финтана и долго не отпускало, до самого рассвета, который все же наступил, несмотря на все козни ночи.

* * *

Был полдень, когда Финтан распахнул дверь.

– Чего? – сорванным сильным голосом прохрипел он слуге.

Перед ним стояла девчушка, до ужаса перепуганная звериным рычанием. Маленькими шажками она попятилась назад, прижалась спиной к стене.

– Вы так долго спали, что... – забормотала она, перебирая край юбочки и пряча взгляд.

Финтан прокашлялся в кулак и постарался перевести дыхание, положив руку на грудь и растерев горло. Одежда сильно измялась, кровать пропахла сыростью и перемаралась невесть в чем, а кроваво-рыжие волосы спутались, слиплись от пота, отчего казались темнее, нежели накануне.

– Меня кто-то искал? – спросил Финтан, проводя рукой по лицу.

Не то чтобы голос вернулся – речь и впрямь воспринималась с трудом.

– Госпожа Дрейк спрашивала, хорошо ли вы себя чувствуете и не простыли ли этой ночью, – доложила служанка.

– Все в порядке, – не очень убедительно заверил Финтан, шмыгнув носом, и щелкнул пальцами.

Финтан выпрямился и глубоко вздохнул, потирая свой затылок, закинув голову вверх. Точно оголодавшие бездомные псы, которые ждут куска мяса, чтобы разорвать его, мрачные своды безмолвно ожидали, когда им бросят новый звук, чтобы разнести множеством отголосков. Внимая их воле, Макдонелл тихо присвистнул и с особым трепетом внимал гулкому эху.

– Что-то еще? – спросила служанка, отвлекая от пространных размышлений.

Финтан уже было готов отпустить бедняжку, как вдруг опомнился.

– А прибыл ли в Плимут мастер Джон Норрейс? – спросил Рыжий Лис и с замиранием сердца внимал ответу.

– Джон Норрейс? – переспросила девочка. – Да, он прибыл с мастером Дрейком где-то месяц, а то и больше назад. Вас отвести к нему?

– Нет! – резко вырвалось у Финтана. – Нет, ни в коем случае.

Снова перепугавшись, девчушка метнулась в сторону, и, прежде чем подумать, Рыжий Лис ухватил ее за плечо. Холодные пальцы сомкнулись крепким капканом. Маленькое сердечко бедной простушки забилося часто-часто, а губы кривились и волновались, вот-вот готовые разразиться плачем. Именно сейчас, в преддверии громкого шума, на который непременно сбегутся люди, Рыжий Лис призвал к молчанию жестом, коснувшись губ девочки указательным пальцем.

– Тише, тише, мне тоже страшно, – прошептал Финтан.

Глаза его и впрямь беспокойно металась. Девочка часто закивала, сама не понимая, с чем соглашается, но на всякий случай лучше согласиться. Рыжий Лис медленно опустил хрупкое плечико.

– Тшшш, – прошептал он, прося перепуганную малышку не шуметь.

Она закивала еще чаще и смотрела на Рыжего Лиса широко раскрытыми глазами. Финтан огляделся по сторонам и, видя, что никого в коридоре нет, сделал шаг навстречу девочке и присел на корточки.

– Как тебя зовут? – шепотом спросил Финтан.

– Простушка Мэгги, – ответила девочка, прикрываясь рукой.

Она подхватила этот заговорщицкий запал, который намеренно нагнал Рыжий Лис. Финтан осторожно прикоснулся к ее платью, не столько поправляя замятые складки, сколько проверяя, позволит ли девочка прикоснуться к себе. Она не убегала.

– Я могу тебе доверить кое-что по секрету, Мэгги? – тем же тихим шепотом спросил Рыжий Лис, осторожно и уже с напускным испугом и волнением заглядывая в глаза. – Мне самому сейчас так страшно, ты бы знала!

Девочка продолжала на него смотреть растерянно и смущенно, как смотрит всякое доброе сердце на страдания.

– Я проиграл ему денег, и немало, – признался Рыжий Лис. – Мне бы ему на глаза лишний раз не попадаться.

– Я не скажу ему, обещаю! – поклялась девочка.

Финтан поджал губы и широко улыбнулся.

– Спасибо тебе, простушка Мэгги! – сказал Финтан, поднимаясь в полный рост. – Ступай и помни...

Он прислонил палец к губам, и девочка сделала то же самое. Рыжий Лис сразу же нырнул обратно в свое убежище, в свои покои. Голова гудела, как будто спьяну. В самом деле, в сознании все звенело, сплеталось и путалось, как будто по жилам и впрямь растекался хмель, но нет, это было что-то иное. Оно не просто грело, оно жгло, будило нутро, трубя в рог, возглашая и требуя сейчас и немедленно, вот только чего? Сердце билось иначе, нежели месяц, день, нежели несколько мгновений назад.

«И Дрейк, и Норрейс, они оба в самом деле тут!» – ликовал Финтан, не находя себе покоя, мечась из одного угла комнаты в другой.

* * *

Завтрак уже давно прошел, а до обеда оставалось больше часа, так что Финтан не преминул именно сейчас прошмыгнуть на кухню. Притом что Финтан Макдонелл, к своему же собственному удивлению, очень быстро стал в Плимуте мастером Шеймусом, желанным гостем и частью команды, притом что юноша мог спокойно угощаться щедрыми кушаньями, которые готовились на хозяйской кухне, при всем при этом он сейчас крался, как полуночный вор, боясь, как бы не попасться постороннему взору. Финтан прокрался через черный ход.

Точно уличный вороватый кот, он бесшумно оказался в мрачной полуподвальной комнате. Приходилось сильно наклоняться, чтобы угрожающе нависающие балки не ударили по лбу. В этой задымленной комнатухе, пропахшей чесноком и гарью, Финтан скорее на ощупь искал что-то, чем утолить жуткий голод, который к утру сделался просто нестерпимым. Здесь трепыхались упитанные куры, поднимая в воздух пух. Ноги чуть дважды не споткнулись о розовенького поросенка, что притаился за печкой, вполне благоразумно боясь привлечь чье-либо внимание. Пройдя мимо скотины, Финтан искал чего-то позабытого с завтрака. Схватив здоровенный тесак, он рубанул жирный кусок ветчины, оставленный нерадивой хозяйкой, видно, впопыхах. Урвав такую добычу, юноша побежал прочь, боясь быть увиденным.

Выйдя во двор и встреченный блеянием овец и криком птиц, он окинул взором могучую крепость. Она грозно возвышалась, как когда-то в Портраше возвышались черные скалы-исполины, будто бы не было того пути, где бы эти великаны следили за каждым шагом. Смирившись с этими холодными и, что главное, безмолвными свидетелями, Финтан набросился на краденую пищу, жадно поглощая кусок за куском, каждый из которых вот-вот мог стать поперек горла.

Финтан спешил проглотить урванную втайне еду, ведь когда он вернется в дом своих врагов, в чертов замок Дрейка, он не сможет нарушить своей клятвы и вкушать еду за одним сто-

лом с капитаном, его женой или гостями. Юноша попросту не знал, когда поест в следующий раз.

Когда последний кусок через силу пролез в глотку, живот болезненно скрутило, и Финтан стал опасаться, как бы его не стошнило. Зажмурившись и перебарывая внутренний порыв, юноша прислонился спиной к каменной стене и, переводя дыхание, опустился на ступени. Только сейчас, сидя на холодном камне, юноша открыл глаза и замер. Прямо на него глядели две пары изумленных, если не напуганных глаз.

Первая пара принадлежала той самой калеке Рейчел. Она вжалась в стенку сарая, надеясь отсидеться там незамеченной. У нее были шансы, учитывая невзрачное темно-серое платьице из грубого сукна и накидку на плечах. Вторая пара глаз принадлежала маленькому ягненку, который покоился у нее на руках. Девушка прижимала детеныша к сердцу, а тот клал мордочку на плечо своей доброй спасительницы. Морда ягненка была перевязана лентой для чепца, и на лбу чернело пятнышко каплеобразной формы.

Какое-то время это молчание продолжалось. Все трое были застигнуты врасплох. Финтан сплюнул кашлянул, сплюнул на крыльцо и поднялся в полный рост.

– Добрый день, мисс Рейчел, – кивнул Макдонелл.

– Мастер Уолш, – поклонилась она в ответ, придерживая белошерстого малыша покрепче.

– Очаровательный питомец, – произнес Финтан, кивая на ягненка. – Может, вам нужна с ним помощь?

– Как вы любезны! – обрадовалась она.

– Разумнее готовить целиком, но если предпочитаете рагу... – произнес мастер Уолш, и тут Рейчел сразу же отступила назад и прижала ягненка к себе, закрыла ему рукой уши.

– Ты думаешь, он тебя не понимает? – сурово спросила Рейчел.

– Людям с хорошим аппетитом лучше не верить в разум и дух братьев наших меньших, – сказал Рыжий Лис. – Не то в этом проглядывается уже какое-то особенно жестокое извращение.

– И опять вы так красиво говорите, что я прямо заслушалась! – молвила Рейчел. – Вижу, у вас все так складно получается? И ваша любовь к охоте, о которой вы обмолвились за ужином с госпожой, не омрачена никакой жалостью к братьям меньшим?

– Польщен, что вы и впрямь слушали меня, – положила кулак на сердце, молвил Рыжий Лис и чуть поклонился. – Думаю, если бы вы увидели воочию меня на охоте, у вас, очаровательная мисс, отпали бы всякие сомнения.

– Ох, с удовольствием посмотрела бы! – в радостном предвкушении молвила Рейчел.

От неожиданного восторга она крепче обняла питомца на руках, и тот тихонько заблеял, напомнив дорогой спасительнице быть чуточку посдержаннее. Девушка быстро опомнилась и, извиняясь, стала ласково гладить белую спинку. Рыжий же Лис был удивлен такой быстрой смене настроения ранимой и чуткой девчушки, будто сошедшей из церковных притч, на кроважадную радость в предвкушении славной охоты.

– Вот он я, весь на блюде, – развел руками Финтан. – И раз вы, мисс Рейчел, говорите, что у меня складно получается, выходит, эта партия за вами. Ибо ваши слова мне сложно выстроить в единый ряд.

– Где же я чего напутала, скажите, мастер Уолш! – прямо-таки потребовала она.

– Вы боитесь, что ягненок услышит и непременно поймет свой приговор, но тем не менее жаждете поглядеть охоту? – спросил Финтан.

Рейчел коварно заулыбалась, как будто только того и ждала. Рыжий Лис украдкой глянул по сторонам, не столько на самом деле опасаясь свидетелей, сколько в силу привычки. Вместо того чтобы приблизиться, он, напротив, отшагнул прочь, заложил руки за спину и отклонился назад, выглядывая, что за тени там мелькнули и подошли к дворику. Кто бы то ни был – они

прошли мимо. Только после того Рыжий Лис осторожно приблизился к Рейчел, сделав два осторожных шага. Взгляда он не отводил от входа – неожиданные гости на то и неожиданные, что никакого часового или дозорного не стоит на посту, а если и стоит, то не несет службу как положено. Может, никакой уж прям нарочитой необходимости в таком бдительном надзоре и не было. Может, Рыжий Лис попросту воротил взгляд от уродливого шрама, который сейчас, при дневном свете, еще резче проступал изъямом на этом фарфоровом лице. Глаза Рейчел озарились озорной радостью, сродни детским искоркам, когда малыш вот-вот расскажет тебе и только тебе что-то безумно важное, по крайней мере, для самого дитяти. С таким лицом, замороженным и трепетным, добрые открытые души могут поведать о песенке соловья и весеннего ветра, о шепоте сентябрьской листвы, о том, какой сон прокрался в открытое окошко и, побегав по комнате, таким же наглым воришкой шмыгнул обратно в сад, оставив после себя отзвук волшебных колокольчиков.

– Он прямиком из мира грез, мастер Уолш, – призналась Рейчел.

Ее не смутило то, что Рыжий Лис вовсе не смотрит ей в глаза.

– Но я помню, что вам больше по нутру мир наяву, – припомнила Рейчел, опуская взгляд на питомца и погладив его по голове. Кончики пальцев осторожно коснулись пятнышка-капельки.

– Он уже приходил ко мне ночью, и я сразу поняла, что он особенный, – говорила Рейчел, скорее сама с собой. – Поесть я люблю и все еще мечтаю как-то научиться охотиться. В детстве даже пыталась попасть по воронам и мелочи всякой. Чего уж скромничать, даже была парочка жалких трофеев! Кожа да кости, но зато пойманы лично мной!

– Думаете, он не понимает? – поинтересовался Рыжий Лис, кивнув на ягненка.

Рейчел, недовольная тем, что ее перебили, сердито поджала губу, и нижняя челюсть произвольно выдвинулась вперед.

– Я не дам его убить, – сказала Рейчел. – На остальной скотный двор мне плевать. Когда их приготовят, я первая отведаю кусочка от каждого и буду смаковать каждую косточку до последнего кусочка мяса.

– Надо же... – протянул Рыжий Лис, потирая подбородок. – Очень занятно, мисс Рейчел, очень занятно. Вряд ли кроха снился остальным мясникам. Надо его где-то спрятать. Есть идеи?

– О да, – уверенно кивнула она.

* * *

Крепость становилась все более знакомой, понятной. Рыжий Лис чувствовал приятное ощущение спокойствия и даже чего-то большего. Он запоминал, он обладал частичкой крепости. Подобно коварному яду, который медленно и бессимптомно расплзается по жилам, Рыжий Лис крался по могучему каменному телу крепости.

Рейчел тоже кралась, тоже пряталась, но как-то ребячливо и весело. Она прислонялась к стене и заглядывала за угол, подсматривая, есть ли кто в коридоре, не подсматривает ли за ними неприятель. И пока она проводила такую проверку, сама того не замечая, она озорно прикусывала нижнюю губу. Каждый раз, когда проход оказывался свободен – а сейчас весь народ работал на причале, – она быстро махала, звала за собой Финтана, которому была поручена важная миссия – нести на руках ягненка. После пары таких перебежек Рыжий Лис окончательно убедился, что им в самом деле нет никакой нужды прятаться и все это чистая пустая потеха. Попросту Рейчел нравится бегать и скрываться, и даже то обстоятельство, что за ней никто не гнался, никто не преследовал и не ловил, никак не огорчало ее. Игра есть игра, и Финтан безмолвно согласился с этими правилами.

Так они добрались до дверей, которые Рейчел победоносно окрестила убежищем и стала стучать, ритмично отбив шесть раз. Уже поняв, что эта девчушка со шрамом пользуется особым положением у хозяйки замка, Рыжий Лис притупил бдительность, и, очевидно, напрасно. В тот миг, когда по ту сторону двери уже раздались шаги, а дверной замок громко лязгнул, Финтан увидел краем глаза простушку Мэгги. Она притаилась в конце коридора и подавала знаки, чтобы Рыжий Лис бежал прочь сейчас же, сию же минуту.

Но было уже поздно. Дверь отворилась.

– И впрямь, агнец из мира грез... – молвил Джонни, тот самый юноша, который представил Финтана капитану.

Джонни быстрым жестом пригласил войти, что Рыжий Лис и девчушка со шрамом и сделали. Рейчел чуть подпрыгнула на месте, как ликует воришка от украденной бесполезной безделушки. Так не радуются, когда воруют от голода или ради какой-либо ценной вещи, это было визгливое ликование от маленькой шалости, которая сама по себе не представляет из себя ничего. Но именно такие шалости оставляют приторно-сладкое послевкусие с кислой остринкой на губах, вкус безнаказанности. Проще говоря, Рейчел была в восторге от такой проделки и радости своей не скрывала и даже немного покружилась на месте, с торжественной гордостью глядя на спасенного агнца из мира грез.

Финтан продолжал держать животное на руках, когда Джонни осторожно поднял мордочку на себя и с трепетным вниманием рассмотрел. Сам же Рыжий Лис осматривался по сторонам. Убранство покоев давало понять с какой-то наглой очевидностью, что их хозяин пользуется особым расположением у Дрейков. Три узких окна располагались с солнечной стороны замка, отчего покои были залиты естественным светом. С потолка свисала на тяжелой цепи массивная люстра со слезливыми свечами. Три готических шкафа были заставлены стопками пергамента, манускриптами и пухлыми книгами, туго стянутыми кожаными ремнями. В покоях было два спальных места – большая кровать с красивой резьбой и длинная деревянная скамья, где вповалку грудились подушки на восточный манер. Над большой кроватью с резным изножьем и изголовьем огромный черный орел распахивал крылья. Чучело было сделано с пугающим мастерством, отчего у Финтана при первом взгляде пробежали мурашки по спине, и он перевел взгляд на Джонни. Тот кончиком пальца осторожно погладил то самое каплевидное пятнышко. Джонни обернулся на Рейчел, как будто искал ответа. Он встретился с лукавым взглядом из-под ресниц. Весь облик этой грубой простушки переменялся, исполнился необъяснимой внутренней стати. Она не просто торжествовала от того, что все случилось так, как и предсказывала, а как будто бы ее слова обладают силой и властью заклинать само бытие. Будто бы не ее пророчество сбылось, а как будто сам мир, услышав с утра рассказ о сне, решил воплотить в реальность того самого агнца.

– Что-то не припомню во сне Рыжего Лиса? – молвил Джонни, опомнившись, что они не одни в комнате.

– Мастер Уолш очень забавно рассказывает о своей бессоннице, – сказала Рейчел. – Думаю, будь у него другие недуги, написал бы поэму, и я бы с удовольствием послушала!

– Ваша милая подруга мне сильно льстит, – молвил Финтан, ставя ягненка наземь.

– Моя подруга? – не успел было удивиться Джонни, как Рейчел подлетела к нему, как слетаются птицы, порой принимая брошенный камешек за кусок хлеба.

Она сразу приложила палец к губам Джонни.

– Тш! – шикнула она, шагнув совсем вплотную.

Рыжий Лис уже понял разгадку, но позволил сыграть и в эту игру. Рейчел и Джонни стояли вплотную, как отражения друг друга в зеркале.

– Ну? – спросила Рейчел.

– Что? – спросил Рыжий Лис.

– Скажи, мы похожи? – спросила она с прищуром.

- С кем? – спросил Финтан.
- Издеваешься, да? – хмыкнула она.
- Еще не начинал, – прижав кулак к сердцу, молвил Финтан, выражая так много раскаяния взглядом, что на это было невозможно ни злиться, ни смеяться.
- Да ну тебя, мастер Уолш! – цокнула Рейчел, сложив руки на груди.
- Рыжий Лис развел руками.
- Если вы больше не нуждаетесь в моей помощи, – протянул Финтан, заложив руки за спину и расправив плечи.
- Благодарю, мастер Уолш, – и Рейчел сделала поклон.
- Короткое движение выдало, что она была в шаге от того, чтобы подать руку для поцелуя, но в последний миг отреклась от этой идеи.
- Был рад вас видеть, мастер?.. – молвил Рыжий Лис.
- Близнецы переглянулись между собой. Джонни усмехнулся и обратился взглядом к Финтану.
- Мастер Норрейс, – гордо произнес он.
- Рыжий Лис стиснул зубы. Вспомнил, как в углу стояла простушка Мэгги, вновь и вновь отговаривая Рыжего Лиса переступить порог. Она махала ручонками, просила остановиться, ведь маленькая мышка знала, чьи эти покои.
- Джон Норрейс-младший, – с поклоном добавил близнец.
- Не знал, что у генерала Норрейса есть дети, – молвил Рыжий Лис, насилу преодолев оцепенение.

Глава 3. Призрак

Франция. Поместье семьи Готье. 1564 год.

Ничего удивительного в падении не было. Скорее было удивительно, как мальчишка умудрился так долго бегать по саду, пока длинные лапы от накинутой поверх шкуры волка постоянно путались под ногами. Неминуемое случилось – мальчик наступил на лапищу и споткнулся о собственную ногу, упав лицом в землю. Но даже не это было самое досадное, а то, что погоня из остальной детворы моментально его настигла и осалила по плечам, голове, по разбитому в кровь носу. Бойкий парнишка не хныкал от боли, а лишь отсморкал кровь наземь, проверяя, в порядке ли зубы – некоторые из них уже порядком шатались. Удостоверившись, что все в порядке, поверженный мальчик встал в полный рост, отряхнулся и оглядел народ, снимая шкуру.

– Кто теперь волк? – спросил он.

– Чур, не я! – кричала наперебой детвора.

– А где Рене? – вдруг раздался возглас.

– Точно-точно! Теперь он волк! – радостно подхватили все.

Дело оставалось за малым – найти Рене. Сделать это было не так-то и просто. Самый младший ребенок в семье Готье предпочитал уединение. Где только не находили мальчика – он мог заснуть в библиотеке, в винном погребе, забравшись на пыльные бочки, собрав на себя многолетние седые мотки паутины. Он мог уснуть в кладовке, спрятавшись в холщовый мешок. Что же говорить о том, как Рене предпочитал бодрствовать – тут никто из обитателей замка не мог наверняка сказать, где был Рене и что делал. Бывало, что мальчик возвращался с прогулки в болотной тине, с сияющей улыбкой волоча за собой кувшинку с длинным стеблем. Если же мальчик играл в саду, то не с остальными ребятами, а скорее сам с собой. В непонятном никому порядке он подкидывал камешки, что-то чертил прутиком на земле и тут же затапывал следы, и снова чертил, и вновь топтался на месте. Именно за таким занятием дети и застали младшего брата.

– Эй! Чур, ты теперь волк! – крикнул один из самых взрослых ребят, волоча шкуру зверя.

Рене поднял взгляд от земли и растерянно глядел на братьев.

– Не хочу, – помотал головой Рене. – Вы меня сразу догоните, и вам все равно будет нужен новый волк.

– А ты беги быстрее! – ответили ему. – Мы тебя прям сразу хватать не будем.

– Не хочу, – отрезал Рене и вновь присел на корточки, и принялся что-то чертить палочкой на земле, ероша сухую траву.

– А потом жаловаться будешь, что мы не берем тебя играть! – раздраженно проворчал один из ребят и злобно пнул камень.

– И папа по шее снова надает! – добавил кто-то, заставив Рене поднять взгляд.

Пыльная шкура лежала на земле, собрав в свои складки щепки, траву и прочий мусор.

– Вы играете с падалью, – поморщившись, сказал Рене.

Тут дети замолчали. Вдалеке лес шептался зелеными кронами.

– Да ну тебя, – сплюнул старший из мальчиков, подобрал шкуру и повел остальных братьев прочь.

Лишь когда уже стемнело, Рене оторвал взгляд от земли. Солнце село уже больше получаса назад, и небеса утрачивали свой последний свет.

Когда юный граф вернулся в замок, его тут же встретила старшая сестра.

– Папа ждет тебя в зале, – сказала она, и под верхней губой открылась щербинка между зубами.

Рене удивился, но благодарно кивнул, он никак не хотел заставить графа Готье ждать. Проходя мимо лестницы, мальчик заметил своих братьев – они неумело притаились, но с большой охотой наблюдали за Рене, шикая и затыкая друг друга. Не желая никого расстраивать, Рене сделал вид, что ничего не заметил, однако все эти обстоятельства немало подстегивали любопытство и даже страх.

– Ты просил зайти? – спросил Рене, взявшись руками за дверной косяк.

На диване сидел отец, широкоплечий здоровяк со шрамом вдоль правого глаза, – гордость настоящего бывалого охотника. Рядом с графом Готье расположился незнакомец с медными волосами и ровно подстриженной бородкой. На висках залегла сетка голубоватых сосудов, которые выглядели синяками. Остальная кожа странно серела, а может, просто так залегли лукавые вечерние тени.

Присутствие постороннего человека сильно смутило мальчика, и он не переступал порога, пока отец не позвал сына жестом.

– Не бойся, Рене, – подозвал отец. – Это мастер Уолтер Деверо, граф Эссекс.

– Безмерно рад знакомству, ваша светлость, – улыбнулся Уолтер, положив руку на сердце.

Голос звучал немного шепеляво и как-то неправильно. Рене замаялся и опустил взгляд, отходя за резной подлокотник дивана.

– Такой робкий... – протянул мастер Деверо, сжав кулаки так, что сквозь бледно-серую кожу выступили фиолетовые вены. – Кто его так запугал?

У Рене вырвался возглас ужаса, и он притаился еще сильнее, укрывшись у спинки дивана. Готье-отец свел брови.

– Я пропущу это мимо ушей, граф, – хмуро произнес Готье.

Презрительно фыркнув, Уолтер принялся барабанить пальцами по колену, задумчиво поглядывая на обоих Готье.

– Рене, мой друг, вы напрасно меня боитесь, – произнес мастер Деверо. – Ты, конечно, не помнишь, ты был совсем крохой.

Из-за дивана показалась копна светлых кудрей. Мальчик осторожно выглядывал, не спеша покидать своего надежного укрытия.

– Твой папа сказал, ты у нас любопытный малый? – спросил граф Эссекс.

Светлые брови мальчика свелись еще сильнее, и макушка снова исчезла, на этот раз окончательно.

– Что ж... – шепелявый господин с серой кожей встал в полный рост и отдал поклон, догадываясь, что юный граф его, скорее всего, не видит. – Надеюсь, мой подарок придется вам по душе.

Он постучал ногтями с фиолетовыми пятнами у основания по большой кожаной папке, что лежала на диване.

– Не смею больше терзать вас, – неискренне и едва ли не враждебно улыбнулся граф Эссекс. – Провожать меня не следует. До скорой встречи, ваша светлость.

Рене выглянул, лишь когда каблуки удалились достаточно. Отец сидел, несколько опечаленно опустив голову на грудь и задумчиво потирая бороду. Мальчик подкрался вороватым мышонком и стянул папку. Подарок оказался много более тяжелым, нежели рассчитывал юный граф. Рене не рассчитал силы, и папка плашмя упала на каменный пол.

– Ну что, не дал себя схватить? – вздрогнув от резкого звука, угрюмо вздохнул глава семейства.

Сын уже был далеко – он переворачивал лист один за другим, изучая острова, материки. Когда отец заглянул за плечо Рене, мальчик водил пальцем и читал медленно и по буквам: «Terra incognita».

Время шло. Господин с серой кожей и жилистыми руками с каждым приездом все меньше и меньше пугал мальчика. В большей мере тому способствовали подарки и гостинцы, которые

граф Эссекс привозил для мальчика. Рене перерисовывал карты по нескольку раз, и его пылкий ум угадывал, что за этими контурами, широтами и долготами скрываются чудеса иного порядка.

Когда мастер Деверо приехал погостить у Готье на Рождество, Рене встретил гостя у порога. Мальчик подрос, вытянулся и сделал положительно большие шаги, чтобы совладать со своей пугливостью. Молодой граф вежливо поклонился и пригласил гостя войти, что не могло не обрадовать Уолтера Деверо. Юный Рене Готье был вознагражден шкатулкой, вырезанной из слоновой кости, наполненной душистым табаком.

Этим вечером юный граф охотно поддерживал беседу с гостем. Остальные братья и сестры Готье в лучшем случае безучастно хлопали глазами, а некоторые, особенно старшие, со злостью и завистью сжимали столовое серебро. Самому старшему сыну хватало сил погнуть ложку так круто, что есть луковый суп было попросту невозможно.

Отношения сиблингов накалялись, как песок на палящем солнце. Все могло закончиться трагично, особенно для юного Рене, но его отец и граф Эссекс предотвратили неминуемую открытую вражду и раздор в семье. Рене очаровался испанскими картами, астрономическими трактатами и трудами по навигации. Он с большим удовольствием слушал рассказы графа Эссекса о дальних странствиях, о Лондоне, величественном порядке серых камней и неколебимых истин и, конечно же, о terra incognita. Граф Деверо не успел предложить юноше уехать с ним в столицу – Рене сам пламенно и живо взмолился перед отцом, чтобы граф Готье дал позволение покинуть родной замок. Получив отцовское благословение, Рене пребывал в пугающем для его робкой и тихой натуры воодушевлении.

Лондон принял его без особого тепла и радушия. Хмурый и каменный город укутался снегом. Черная вода Темзы казалась вовсе бездонной. Рене смотрел по сторонам, когда они брели по улочкам, приминая сырой снег. Нежное лицо быстро налилось морозным пунцом, особенно на щеках и носу.

Скрипучие следы оставались под сапогами, пока они шли по набережной к трехэтажному особняку из белого камня с широким крыльцом. Серокожий господин молча ждал, пока мальчик тщательно отряхивал сапоги от снега, и перед юным Рене Готье отворились двери в дом первого графа Эссекса.

Прилежный ли он был ученик? Сказать сложно. Но, определенно, Рене очень преуспел в изучении английского языка. Сказалось воспитание, полученное в родном замке. Мальчик перескакивал с мысли на мысль, не успевая закончить предложения, что на письме, что в устной речи. Он мог замолкнуть на полуслове и уставиться в угол или голую стену.

Рене выражал свою волю и особенное рвение к избранным наукам. С большой любовью и воодушевлением посещались им уроки истории, литературы и поэзии на французском, английском, уэльском, испанском и латыни, астрономии, картографии, корабельной навигации. Несколько раз в год Рене приезжал в родной замок в сопровождении Уолтера либо с кем-то из его поверенных людей. Родители графа принимали с большой теплотой, сиблинги – без вражды, по крайней мере открытой.

Так шел год за годом, и вскоре Рене прослыл в английском обществе одаренным и смышленным воспитанником Уолтера Деверо.

Весной 1573 года Рене Готье исполнилось пятнадцать лет. Дверь кабинета приоткрылась, и юноша обернулся через плечо. Он стоял у окна спиной к вошедшему.

– Ваша светлость скоро будут готовы? – спросил граф Эссекс.

Песочный костюм Уильяма с пышным воротником, рукавами и буфами украшался строчкой тесьмы. Она тянулась вдоль всего корпуса, на свободных штанах, сходящихся на коленях, невыгодно подчеркивая неровность ног. Сапоги с большими бляшками были начищены до блеска еще с вечера. Граф Эссекс, опираясь на трость, прошел вглубь кабинета.

– Сколько уже времени? – растерянно оглянулся Рене.

Высокие часы из темного дерева показывали без шести четыре вечера.

– Неудивительно, – произнес Уолтер, усаживаясь в кресло рядом со столом. – В окружении стольких тайн немудрено потерять счет времени.

Взгляд графа Деверо медленно блуждал по комнате. На столе приветливо распахивали свои кремово-бежевые листы картографические атласы, на которых покоились змеиными языками бархатные закладки. Тугие переплеты скоро должны были занять свое место в большом шкафу, устроенном в нише стены.

Рене отшагнул от окна и поставил на стол еще один чудесный подарок, который именник теперь мог рассмотреть на свету. То было настоящее сокровище тончайшей работы – золотая чернильница в виде рыбки. Существо своей мордой, или, вернее, клювом, больше напоминало птицу, нежели обитателя морских глубин. Таинственная природа этого существа пленила и очаровала Рене с первого взгляда. Когда рыбка с глухим стуком опустилась на обитую темно-синим бархатом поверхность, раскрытый клювик звонко захлопнулся.

– Чудесная вещь, – произнес Уолтер, залюбовавшись сокровищем.

Рене счастливо улыбнулся, обернувшись через плечо. Он возложил два тома английской поэзии на полку.

– О да, – согласно кивнул Готье. – И мне так жаль, что я никак не могу отблагодарить дарителя.

С этими словами юный граф коснулся кончиками пальцев изогнутого хвостика.

– Я думал, вы уже держите себя в руках и ваше стеснение не мешает сказать пару добрых слов, – пожал плечами Уолтер, сложив руки на набалдашнике трости.

– Знать бы, кому их говорить, – развел руками Рене.

Граф Эссекс повел бровью.

– Вот как... – протянул Уолтер, поглаживая бородку.

Рене кивнул, поджав губы.

– Я скоро спущусь, – пообещал юноша.

– Что ж, жду вас внизу. Вы, конечно, уже успели стать любимцем Лондона, но не до такой степени, чтобы опаздывать на свой первый бал, – Уолтер поднял узловатый палец с перстнем из тусклого серебра. – Помните – последней является королева.

Взгляд молодого графа трепетно и волнительно замер.

– Я скоро спущусь, – повторил юноша.

Граф Готье был верен своему слову, и уже через несколько минут серокожий наставник со своим воспитанником уже ехали в карете, запряженной гнедыми рысаками. Рене крутил в руках шляпу и неосторожно сломал перо.

«Не хочу» – пронеслось в голове Рене, когда карета остановилась, а одетый в бархатную курточку паж отворил скрипучую дверцу и подал руку. Пришлось пересилить себя.

Пугающий Тауэр, далекий и неприступный, сейчас гостеприимно открывался юному графу. Молодой именник не смог бы описать то чувство, с которым он переступал порог королевского замка. «Волнение» или «трепет» не были даже блеклой тенью того, что творилось на душе юноши.

От высоты потолков кружилась голова, и Рене, пока глядел вверх, круто запрокинув голову, едва не упал с ног. Все нутро обуял огонь, который жег и бросал в холод одновременно. Он слышал собственное сердцебиение, крепко схватившись за грудь.

– Ваша светлость пропустит танцы? – осведомился граф Эссекс, оправляя бордовый бархатный плащ на плечах юноши.

– Я тогда не смогу себе простить, – взбодрил сам себя юноша и поднял дрожащий взгляд.

Лицо Уолтера переняло эту бодрость, и, улыбнувшись, гордый покровитель проводил воспитанника в бальный зал. Музыка медленно плыла, и в дрожащем от огня воздухе плыли фигуры. Отблески бисера прятались в воздушных складках рукавов, воротников и юбок. Тихие

разговоры и перешептывания скрывались белоснежными перчатками. Глаза разбегались, не поспевая за мерцающим великолепием.

Скользкие как лебеди на водной глади пары медленно останавливались, завершая фигуры, и сторонились главного прохода, образуя в центре продольного зала пустой коридор. Рене послушно следовал за своим покровителем. Ожидание и затишье. В эти мгновения граф Готье усомнился, сохранил ли он слух и не решило ли время взять короткую передышку, которую оно откладывало с момента сотворения мира, а может, и еще раньше.

Но все сомнения отпали, когда лорд с серебристыми волнами волос, в длинной накидке, обитой мехом, провозгласил явление самой Ее Величества королевы Елизаветы. Двери распахнулись, и все взоры разом опустились в пол. Так поначалу поступил и Рене, но первый порыв леденящего страха тут же был сметен сжигающим изнутри любопытством. От одного взгляда на владычицу отнялся голос, и граф немало перепугался, что так случилось с ним навсегда, но, будь у него второй шанс, он все равно бы поднял глаза, чтобы увидеть королеву. Она была пленительней самой яркой луны, какую суждено было видеть Рене. Облаченная в пышное платье, ее величество источала тонкий свет, видимый только самому чуткому взору. Ноздрей едва коснулась нотка лавандовой воды, которой были смочены огненно-рыжие волосы, в которых белели нити перламутровых жемчужин. На фоне бледной сухой кожи и платья, сотканного из лунного света, красно-рыжие волосы ее величества казались розой, распустившейся во время лютой белой зимы.

Рене забылся, и граф Эссекс даже подумать не мог, что его пугливый и застенчивый воспитанник выйдет прямо к королеве. Не думал об этом и сам юный граф – ноги сами вели его, охваченные сомнамбулическим приступом. Королева остановилась, приподняв брови, вернее, тот небольшой участок кожи, где они должны были находиться.

– Ваше величество, – тихо молвил Рене, склонившись в поклоне перед удивленной королевой и ее не менее удивленной свитой.

– Вы, должно быть, граф Рене Готье? – спросила Елизавета, подняв взгляд на подоспевшего графа Эссекса.

– Да, моя королева, – Уолтер изловчился поклониться, несмотря на больное колено.

Эссекс и королева обменялись взглядами, которые дали обоим больше, нежели могут вместить часы разговоров и годы переписок. Рене так и стоял, замороженный, представляя пред Ее Величеством, стараясь запомнить каждый кристаллический излом на лоснящихся складках платья. Елизавета улыбнулась, подавая руку графу Готье. Юный Рене, вне себя от преисполняющих чувств, дрожащей холодной рукой принял великую милость, припадая губами к кольцу с сапфиром.

– Рада видеть вас при своем дворе, юный граф, – произнесла королева.

Лишь когда Рене ехал с бала в особняк, до него дошло, что услышанные слова звучали так особенно по-родному тепло от того, что были сказаны на родном, французском языке. От этого открытия юноша схватился за сердце, в котором разливалось отрадное и беззаботное веселье, а с губ сорвался радостный смех. Уолтер Деверо, ехавший напротив, молча покосился на воспитанника и продолжил смотреть в окно, думая о своем.

Это было самое сокровенное, самое волнующее воспоминание на памяти Рене Готье и будет таковым всю его долгую жизнь. Он будет рассказывать о своем первом бале, о волшебном лунном ореоле вокруг королевы, о ее пламенных волосах и о жемчуге на ее украшениях и платье восьмилетнему сыну Уолтера, Роберту Деверо. Маленький Роберт, затаив дыхание, слушал эту историю снова и снова, и каждый раз как первый.

– Везунчик ты! – толкался Роберт.

Рене потирал шею и виновато отводил взгляд, будто бы и впрямь не достоин был того откровения, которое снизошло на него в тот миг, когда он предстал перед королевой.

– Говоришь, прекраснее, чем луна? – говорил Роберт, завалившись на диван, заложив руки себе под голову и болтая ногами. – И чем звезды?

– Намного прекраснее, – кивал Рене. – А я уж на ночное небо смотрю частенько. Нет таких слов, ни в одном языке, что мне довелось учить, таких слов, чтобы описать тебе, какова из себя Ее Величество.

– Ну и не дразнись! – сорвался Роберт, изъедаемый завистью.

Шли годы. Наступил август 1575 года. Дом Эссекса наполнился гостями и торжественными поздравлениями, несмотря на то гнусное безобразие, которое лилось с небес уже несколько дней подряд непроходимой стеной. В самом особняке гостеприимные слуги принимали плащи дорогих господ и развешивали на просушку подле огня.

Приглушенные разговоры тихо журчали в доме графа. Сам Уильям предпочел расположиться в одной из зал в компании своего близкого друга и соратника, Джона Норрейса, и своего сына, которому уже этой осенью исполнится десять лет. Разумеется, Рене находился подле наставника и с большим интересом слушал рассказы старших гостей. Молодой граф стоял у окна, скрестив руки на груди, завороченно глядя на стекло, по которому сползали потоки воды. Монотонный шум изредка разбавлялся ударами ветра по стеклам.

– Хоть глаз выколи! – вспоминал Джон Норрейс, сидя в глубоком кресле.

Этот тучный мужчина с желтоватой кожей с большой оживленностью и блеском в глазах поведывал всем присутствующим об одержанной победе.

– Темень стояла кромешная, и я думал, что угорю от копоти и жара факелов, – продолжал Норрейс, потирая толстую шею, будто бы эти воспоминания и впрямь вызвали приступ удушья. – Но мы выискали их всех. Ублюдки те еще, и прятаться умеют.

– Но я слышал, будто бы Макдонеллы сдались? – спросил Рене, чуть наклонив голову набок.

Взгляды присутствующих разом обратились на юношу. Уильям едва свел брови. Узловатые пальцы перестали поглаживать набалдашник трости. Быть может, не сорвись с уст Джона веселый смешок, тишина могла стать гнетущей.

– Ваше доверие к миру даже похвально, месье, – усмехнулся Джо. – Какие договоры можно вести с ирландцами? Конечно, эти загнанные в угол крысы были готовы клясться в чем угодно, чтобы сохранить свои жизни.

Рене поджал губы и перевел взгляд обратно на окно. Уильям заметил, как его воспитанник крепче обхватил себя.

– И я был прав насчет испанцев, – продолжал Джон, указывая толстым пальцем на Уильяма Деверо. – Конечно, им только в радость подкармливать этих ирландских бродяг и пьяниц, чтобы они пили нашу кровь! Даже такой дубина, как Фанни, знает это.

– И все же не стоит переоценивать их роль, – качнул головой граф Эссекс. – При всей моей гордости за наше отечество глупо отрицать, что королю Филиппу есть дело до этого проклятого клочка земли. Уверен, он с трудом отыщет остров Ратлин на карте.

– Ему и не нужно, – Норрейс отер шею платком. – Он просто кидает деньги в своих людей. Может, выгорит, а нет – ну и черт с этим! Он может позволить себе. Их кораблям если что и угрожает, так это чертов груз богатств, которые они везут из Нового Света!

– Тем более, – произнес Уильям, покачивая тростью. – Если и впрямь испанцы помогали Макдонеллам, то, во-первых, это была самодеятельность, а во-вторых – она не увенчалась успехом, ведь Ратлин пал.

– Да воздадим за это благодарности небесам и святой Марии! – Джон залился довольным смехом, осеняя себя крестным знаменем.

– Вы думаете, небеса направляли вашу руку, которая секла головы сдавшихся людей? – тихо спросил Рене, не отводя взгляда от стекла.

– По крайней мере, они не мешали мне, – пожал плечами Норрейс. – И, ваша светлость, ваше большое счастье, что мы тут собрались в кругу друзей. А то постороннее ухо может услышать и крамолу в вашем сострадании к ирландцам. Если даже не измену.

– Если бы Макдонеллы зарезали англичан, сдавшихся в плен, мое сострадание было бы столь же сильным, – ответил Рене, обернувшись к Джону.

– Долго искать не придется, месье, – усмехнулся Норрейс. – Ваша светлость может спуститься в зал и заговорить с любым благородным гостем. Уверен, стоит вам заговорить об ирландцах, им будет что сказать.

Рене развел руками.

– Но мне интересно послушать вас, мастер Норрейс, – поджав губы и холодно улыбнувшись, произнес Готье.

– Тогда послушай вот что: ты славный малый, Рене, – Джон не без труда подался вперед. – Даже ходить никуда на придется, да, Билл?

Уильям Деверо помрачнел и коротко мотнул головой.

– Очень любезно поднимать на обсуждение мое ранение, Джонни, – с недовольством выдохнул граф Эссекс.

Джон продолжил, не обращая внимания на Уильяма и возвращаясь к неприятной для друга теме:

– Сегодня мы празднуем победу в Ратлине, Рене. Если ты не хочешь подставлять свою голову и голову нашего доброго друга Уильяма, скорби о ком угодно – хоть о врагах нашей короны! Но молча. Если не из милосердия и благодарности к графу, что воспитал из тебя образованнейшего человека своего круга, то попросту из элементарной вежливости.

Рене невольно обернулся к наставнику и, встретившись с ним взглядом, оробел и смутился. Холодный укор пронзил юношу, и он тотчас же поник.

– Прошу прощения, мастер Норрейс, – тихо произнес Рене, заламывая тонкие белые пальцы. – И благодарю за наставление.

От этого тихого голоса и смиренных слов и граф Эссекс, и мастер Норрейс разом смягчились.

– У тебя доброе сердце, Рене, – вздохнул Джон. – И я искренне желаю, чтобы для тебя попросту не настал тот день, когда придется пойти против него. Но старик Норрейс прекрасно понимает, что этот момент настанет, когда тебе будет кого защищать.

Рене кивнул, воротя взгляд от гостей. Когда Джон умолк, юноша стремительными шагами направился к выходу.

– Прошу прощения, – бросил он напоследок и пошел прочь, и никто из присутствующих не стал его останавливать.

В другое время граф Готье мог бы улизнуть из дома на прогулку, но скверная погода и слабое здоровье заперли его среди торжества и празднества, которое было чуждо сердцу юноши. Он безучастно бродил по залам, избирая места потише, и постоянно поглядывал на часы в мучительном ожидании, когда гости начнут расходиться.

Для графа Готье этот вечер омрачился разговором наверху с графом Эссексом и его соратником Норрейсом. Желания видеться хоть с одним из них не было никакого, но тем не менее юным графом уже был принят ряд обязательств. После того как полуночный час уже давно миновал и близилось мутное и дождливое утро, последние гости покинули особняк. Наконец долгожданные часы глубокой ночи уладили и музыку, и разговоры, и пьяный смех, и рассказы о бравых подвигах, когда военные мужи Англии похвалялись морями крови, пролитыми на островах Ирландии. Наконец все стало стихать. В доме остались лишь ближайšie и самые почтенные господа. Разумеется, и к великому, хоть и невысказанному неудовольствию, Джон Норрейс входил в их число.

Это было любимое время Рене, предрассветный тихий час. В такую рань еще никто не вставал, а самые поздние «совы» уже были убаюканы ливнем, который все продолжал барабанить. Граф Готье сидел в ванной на низкой длинной скамье, приставленной к стене, и наблюдал, как греют воду на дровах. Запах гари вновь вернул в зал, наполненный людьми, этот выстрел, не стоящий не то что фунта – даже ломаного пенни, – который был совершен в стенах дома Эссекса. Все это скверно давило на и без того понурое настроение, и самой большой отрадой сейчас был далекий приглушенный шум дождя. Пару раз донеслось эхо грома, а быть может, оно попросту послышалось. Когда гипнотическая дремота уже была готова крепко и любовно объять разум графа, дверь отворилась. Юноша поднял голову и встретился взглядом с Уильямом Деверо. Эссекс сутуло горбился, много больше, нежели позволял себе при гостях. Рене ужаснулся такой разительной перемене – ведь еще днем его покровитель расхаживал среди гостей, пусть и опираясь на трость, а сейчас эта сгорбленная фигура в темно-зеленом халате с большим трудом передвигала ноги, будто бы закованные в колодки.

Юноша поспешил помочь мастеру Деверо и, взяв его под локоть, стал опорой и довел до ванны. Когда Уильям снял халат и тяжелая ткань упала на каменный пол, Рене постарался не смотреть на ранение, о котором сам граф Эссекс так неохотно рассказывал. Даже смотреть на глубокий шрам, тянущийся от бедра под самое сердце, было болезненно и мерзко.

Рене не проронил ни слова, сел у изголовья ванны, ожидая, когда учителю понадобится его помощь. Сам Уильям лег в горячую воду, и из груди вырвался глубокий вздох облегчения. Запрокинув голову вверх, Деверо выискивал что-то взглядом, словно читал звездное небо в Неаполе, а не глядел на каменный серый потолок с недоступно высокими сводами, за которым скрывалось дождливое небо, глухое и несговорчивое.

– Ты сам не свой, – то ли спросил, то ли, что более вероятно, с тихим вздохом сожаления констатировал граф Эссекс.

Рене сглотнул и перестал заламывать пальцы.

– Мне жаль, – ответил юноша. – Я вел себя недостойно.

Уильям помедлил с ответом.

– Ты считаешь себя свободным? – наконец спросил Деверо.

Рене замылся и поджал губы.

– Да, мастер Деверо, – кивнул Готье.

– Ты умолк, прежде чем ответить, мой благоразумный воспитанник, – со слышимым удовольствием произнес Эссекс.

Эта короткая теплая похвала душевно отозвалась в сердце Рене. Уильям тем временем продолжил.

– Скорее всего, если я спрошу, как ты нашел этот ответ, ты расскажешь о том, как широко распахнуты перед тобой все двери, и будешь прав, – произнес Эссекс, – даже Тауэр будет рад видеть тебя своим гостем, мой мальчик. Ты гордишься этим, я знаю – хоть я и не вижу твоего лица. Тут есть чем гордиться, Рене. Ты берешь и приумножаешь то, что даровано тебе. Я учил тебя не перемалывать зерна, уготованные для посева, и ты чтить мое учение.

– Благодарю вас, – дыхание Рене сбилось от радостного трепета.

– И при этом, – вздохнул Уильям, проводя рукой по усталому осунувшемуся лицу, – ты вряд ли догадываешься, какой еще свободой ты обладаешь.

Тревога пронзающим холодом полоснула сердце юноши. Рене ждал, когда наставник продолжит.

– По поводу Макдонеллов... – произнес граф Эссекс.

– Я не хотел никого оскорбить, говоря о... Ратлине, – оправдываясь, юноша внимательно сглотнул.

– Твое счастье, что на твоих плечах нет страшного бремени судить ни живых, ни мертвых, – произнес Уильям. – Это большая свобода, Рене.

Граф Готье еще не раз и не два вспомнит эти слова своего учителя. А тем временем по коридорам особняка Эссекс бегал сквозняк, трусливо прижавшись к полу. Он поскуливал, забегая за угол. Ставни жалобно затрещали, и Рене поднял взгляд. Собравшись с силами, он открыл дверь. Петли тоскливо заныли.

Покои мастера Деверо стали прибежищем болезни, страданий и мрака. Его кожа серела день ото дня все сильнее, особенно после страшной раны в бою, с тех пор, как граф Эссекс вернулся из Ирландии – диких краев, непокорных и свирепых, как морские ветра, которые с хрустом ломают мачты и рвут паруса. Недолгая радость победы сменилась горестным и сострадательным молчанием. Рене ухаживал за покровителем, и сердце содрогалось от страха перед неумолимо наступающим роком.

– Сын? – раздался хриплый голос.

– Нет, мастер Деверо, – тихо ответил Готье. – Это я, Рене.

– Рене? Ни черта не вижу, подойди ближе, – попросил Уолтер.

– Я попрошу принести больше света, – юноша не успел подняться с кровати, как Уолтер вцепился жилистой рукой в его жилет.

– Нет. Огонь больно режет слабые глаза, – произнес граф Эссекс, и на его измученном, блестящем от пота лице отразилась такая мука, будто бы тысячи светил в этот самый миг жгли его глаза.

Рене беспомощно наблюдал, как болезнь истачивает старого графа, и призывал все мужество, чтобы принять свою судьбу.

– Ты должен знать, – произнес Уолтер, но его слова заглушили шаги в коридоре.

Рене обернулся на вбежавшего запыхавшегося человека. Его лицо раскраснелось, и грудь никак не могла вобрать столько воздуха, сколько нужно.

– Мастер Деверо слишком слаб, чтобы принять вас, – строго предупредил Рене.

– Это про Ратлин, – громко провозгласил гонец, не успевший снять одежды.

– Что? – коротко спросил Уолтер и предпринял невероятное усилие, чтобы сесть на своем ложе.

Рене с неудовольствием вздохнул и скрестил руки на груди, но, потакая воле графа Эссекса, отошел в тень и прислонился спиной к стене.

– Собственными глазами видел это, ваша светлость, – клятвенно зашептал гонец, упав на колени подле ложа больного.

Уолтер впился взглядом в докладчика, и этот влажный взгляд, которому уже приоткрылась истина иных порядков и законов, сиял безумием.

– Что? – вновь вопрошал Уолтер, хотя он знал, он знал лучше гонца, о чем же идет сбитая и рваная речь.

– По ночам, как сходит тьма, в замке Данлюс видели огонь, – докладывал гонец. – Своими глазами видел, как тени бродят в Данлюсе, они становятся длиннее к часу зверя и к утру исчезают.

– Прочь, – едва слышно пробормотал Уолтер.

Посланник не успел осмыслить брошенного повеления господина и так и простоял в изумлении мгновение. После чего наконец опомнился, поднялся на ноги и, отдав поклон, поспешил покинуть мрачную опочивальню, оставив Рене и Уолтера одних.

До чего же это было тяжелое молчание. Рене молча ждал, сам не зная чего, притаившись в тени. Такого угрюмого мрака не было на лице графа Эссекса за всю его жизнь. Тень залегала в его глазах глубокой горечью, и вскоре Уолтер был не в силах с ней совладать. Из глаз полились горячие слезы. Рене переборол первый порыв испуга и ринулся к своему ментору, не зная, чем утешить старого графа, и есть ли вообще утешение умирающему. Поддавшись зову сердца, Рене обнял его так крепко, как никогда не позволял себе.

– Успокой душу Ратлина, – в ответ прошептал граф слабеющим голосом.

Рене не успел сказать ни слова, как ощутил, что тело Уолтера обмякло, отойдя в глубокий сон. На следующий день, 22 сентября 1576 года, Уолтер Деверо, первый граф Эссекса, скончался.

* * *

– Может ли одинокий старик утолить свое любопытство, ваша светлость? – спросил лодочник.

Рене отвел хмурый взгляд от высоких скал в длинных туманных одеждах.

– Спрашивайте, мой друг, – добродушно позволил граф, будучи отнюдь не против, чтобы человеческий голос как-то скрасил окружающую их завесу равнодушного сырого холода.

– С какой целью вы прибыли сюда? – спросил старик, ловко орудуя веслами, чередуя их с заметной сноровкой. – Места здесь беспокойные, и сразу скажу, по вам видно, что у вас под одеждой припрятана брошь с драгоценным камнем или фамильное кольцо под перчатками. А то и, глядишь, у ваших славных родителей на материке тоже, видно, денжатки водятся.

Рене выпрямился и подозрительно прищурился.

– Я не хотел вас кошмарить зазря! – тут же стал оправдываться лодочник, видя, что вгоняет графа в дурное расположение духа. – Попросту хотел попросить вашу светлость быть осторожнее, только и всего.

– Буду, – хмуро ответил Рене и предпочел остаток пути созерцать скалы, то и дело выплывающие из тумана.

Лодочник получил свое вознаграждение и произнес много добрых напутствий графу, которые, увы, услышаны не были. Рене оглядывался на пустой пристани. Голые камни влажно чернели от волн прибоя. Птицы кучно клевали тушку, выброшенную на берег. Верно, именно от этой падали и разносился зловонный запах. Времени оставалось в обрез.

Описания, выученные им еще в Лондоне, перечитывались несколько раз по пути в Ирландию, в графство Антрим. Тьма стремительно сползала с беззвездного неба, и Рене рисковал оказаться посреди мшистых скал, открытый всем ветрам. Подступающая тревога подстегивала быстрее взбираться вверх по скалистым уступам, чтобы осмотреться и увидеть зловещие развалины. До боли напрягая глаза, граф осторожно ступал по скалистому утесу. С моря свистел лихой ветер, точно предостерегая Рене от рискованной затеи, но граф оставался тверд в своем намерении.

Когда граф стоял перед обветшалым мостом, ведущим к замку Данлюс, тьма сгустилась, плотно укутав собой зловещие руины. Тут вера Рене поколебалась. Он не видел ничего под своими ногами. Даже при свете дня восхождение к замку было задачей не из легких, а теперь, когда опустилась беспробудная ночь, и говорить нечего. В тот момент, когда граф вот-вот обернулся бы назад, вернулся по скалистой дорожке обратно в бухту и стал бы искать ночлега в худобоких домишках, он увидел знаменье, явившееся за миг до отречения от данной клятвы.

Замок был жив. Он дышал изнутри, отбрасывая длинные тени в кромешной тьме. Этот проклятый огонь и был той мятежной неуспокоенной душой, ради которой Рене явился сюда. Пересилив страх, граф ступил на ветхий мост. Камни пугливо шевельнулись, перестукнувшись друг с другом. Рене замер, прислушавшись, и через несколько мгновений продолжил идти на зов багряного пламени, что бился в груди замка.

Обломки дверей давно гнили на каменном полу. Граф перешагнул через них и оказался в зале. В углу, под правым боком каменной лестницы, и бился трепыхающийся огонек. Вверх тянулась резкая полоса черной сажи и копоти. Пламя оживало в этих стенах не в первый раз.

Граф настороженно обернулся, оглядываясь. На ободранных стенах зала плясали длинные тени, глумливо извиваясь по прихоти пламени.

– Ты здесь? – спрашивал Готье.

Эхо еще не успело стихнуть под высокими сводами, как багряная вспышка блеснула на лезвии меча – клинок рассек кромешную тьму и обрушился в шаг от проворного Рене. Новый замах не заставил себя долго ждать, но и граф был начеку. Пригнувшись, Рене схватил камень с земли и метко швырнул в голову противника, в ответ услышав злобный рык сквозь зубы. Отступая назад, Рене оступись, уклоняясь от нового разящего удара. Черная фигура выпрямилась, быстро переводя дыхание. Граф мог разглядеть глаза с суженными в ярости зрачками, источающие слепое отчаяние за гранью помешательства. Ржавая борода неровными клочьями выступала на худом подбородке и впалых щеках. Грязно-красные волосы исполосовали бледное лицо, замаранное одеяние свисало бесформенным рваньем.

– Кто ты?! – вопрошал Готье, не отводя взгляда.

Стиснув зубы до скрипа, оборванец приставил лезвие к самому горлу графа.

– Ты Финтан Макдонелл? – спросил Рене, ощущая холод на своей шее.

Меч дрогнул, и графу показалось, что в следующее мгновение он расстанется с жизнью – грубое лезвие поцарапало шею, и две струйки крови спустились под воротник.

– Откуда ты знаешь это имя? – сипло спросил Финтан.

– Я знал того, кто был там, в Ратлине, – ответил Рене.

* * *

Финтан не мигая глядел на пламя, прислонившись спиной к лестнице, очерненной сажей. Искры плясали в опустошенном взгляде. Рене протягивал руки к огню, потирая бледные ладони друг о друга.

– Так Эссекс мертв? – наконец спросил Макдонелл.

Граф кивнул. Финтан глубоко вздохнул и запрокинул голову вверх.

– Там было еще два генерала, – произнес Финтан.

На лбу углубились морщины, когда мучительные воспоминания возвратились.

– Ты знаешь их имена? – спросил Макдонелл, пристально уставившись на Рене.

Граф поджал губы и кивнул.

– Я боюсь, что они не дадут тебе ничего, лишь откроют старые раны, – произнес Готье, прижимая кулак к сердцу.

Финтан выдохнул и едва шевельнулся. Меч, покоившийся на коленях, прокатил на своем лезвии отблеск яркого пламени.

– Ты явился ко мне ночным вором, – произнес Макдонелл. – Но я сохранил тебе жизнь, хотя имею святое право защищать свой дом. И прошу тебя лишь назвать имена.

– А если нет – убьешь меня? – спросил Рене, чуть наклонив голову набок.

Финтан угрюмо пожал плечами и продолжил пялиться в огонь.

– Зачем тогда вообще ты здесь? – резко хмыкнул Финтан.

Граф Готье глубоко вздохнул, потирая затылок.

– Я хотел разобраться, что там случилось, – ответил Рене.

Финтан угрюмо помотал головой. Костер высек сноп искр, и они взмыли к высоким сводам, которым неизвестно сколько еще оставалось держаться на ветхих опорах. Рене понуро смотрел вниз, на свои руки, которые он заламывал, и испуганный выдох сорвался с его уст. Граф поднялся с земли и принялся расхаживать мелкими шажками, оглядываясь по сторонам.

Финтан не мигая смотрел ему в спину и спустя минуту поиска спросил:

– Что-то потерял?

– Кольцо, – обеспокоенно молвил Рене, невольно кусая большой палец.

– Ну, ищи, – безучастно ответил Финтан.

Безуспешные поиски под треск костра длились недолго. Глаза устали вглядываться в беспросветный мрак, голова графа скоро заболела, и он вернулся к огню. Финтан вновь шевельнулся – на этот раз подался вперед и протянул меч рукоятью к графу.

– Ты не узнаешь от меня ничего нового, ибо сам знаешь больше моего. Либо помоги, – требовал Макдонелл, – либо убей меня.

Граф сглотнул, хмуро глядя на оружие.

– Нет, – твердо отказал Рене.

Финтан угрюмо вздохнул, плечи отчаянно осунулись. Меч грохнулся наземь, и оглушительное эхо заполнило собой пустые бездушные своды.

– Зачем ты пришел сюда? – спросил Финтан.

– Успокоить душу Ратлина, – произнес граф Готье, но голос его так дрожал от робости, что было очевидно, сколь шатка вера в собственные слова.

Макдонелл свел брови и прыснул себе под нос, и лицо его тотчас же исказилось нестерпимой мукой.

– Посмотри на меня, умоляю, взгляни! – процедил сквозь зубы Финтан, ударив кулаком в грудь. – Я давно забыл покой. У меня ничего нет, я все потерял после Ратлина. У меня не было и имени – я забыл его, пока ты не произнес его, не вдохнул в меня жизнь. Ты говоришь, ты знал того, кто был там. Назови и эти имена, будь мне добрым вестником!

– И это принесет тебе покой? – ужаснулся Рене, отшагнув назад. – Я вижу тебя впервые, но я слышан о твоём горе, оно терзает мне сердце не первый год, и я больше всего мечтаю искупить то проклятье, что вырвалось наружу, когда была пролита невинная кровь Макдонеллов. И именно потому, что я желаю мира и покоя твоей душе, Финтан, сын Сорли, я не назову тебе имен.

Хмурый взгляд прожигал графа насквозь.

– Оглянись, – процедил сквозь зубы Финтан. – Ты видишь, вот она, моя обитель, мой дом! Руины, и воронье уже кучно сбилось в предвкушении. Все, что мне остается, – это молиться о том, чтобы Господь призвал их к ответу. Им осталось ждать недолго.

Рене невольно обвел взглядом замок. Унылые каменные глаза взирали в ответ, не проронив ни слова в траурном молчании. Лишь поленья кряхтели и стрекотали.

– Господь уже призвал к себе графа Эссекса, – произнес Рене. – Он руководил этим... делом.

Последнее слово Рене явно выдавил из себя с трудом, переборов отвращение. Финтан вцепился взглядом в доброго вестника. Немигающий взгляд застыл.

– Вот как? – прошипел Макдонелл.

Рене кивнул, а с уст Финтана сошел тяжелый вздох. Он провел рукой по лицу и, прикрыв рот, уставился на огонь.

– Что до остальных – право, Финтан, молю тебя, не губи своей жизни, – просил Рене. – Что Дрейк, что Норрейс – кара найдет их обоих.

– Ваша вера в Божье провидение заслуживает восхищения, – горько усмехнулся Финтан.

– Не столько вера, сколько знание. Оба они имеют много врагов на суше и в море, – молвил Рене.

– Аминь, – Макдонелл не отводил взгляда от огня, перекрестился и прижал кулак к холодным бледным губам.

Огонь слабел. Молчание и сумрак воцарились в разоренном замке, который с унылым смирением ждал окончательной своей гибели.

– Ты можешь уехать со мной, – произнес Рене.

Угрюмый взгляд поднялся.

– Здесь небезопасно, – продолжил Готье. – Замок ветшает на глазах. Ты человек, как бы горе и несчастья ни пытались тебя лишить человеческого облика. Я хочу тебе помочь.

Макдонелл помотал головой, снисходительно оценивая графа взглядом.

– Знаешь, что я сделал первым делом после того... дела? – с едкой злостью в голосе бросил Финтан.

Граф Готье поджал губы и замотал головой.

– Я выгреб золото, – сказал Финтан. – И направился корабельной крысой к своему отцу. Он был жив. Во время резни он был на материке. Боялся ли я, что меня поймают и убьют? Не знаю. Я не был уверен, что на самом деле жив. Я и сейчас не уверен, но я боялся погибнуть, так и не простившись с отцом, даже не попытавшись.

Финтан умолк, сведя брови и глядя на огонь. Последнее дыхание жадно обглаживало полусгоревшие поленья. Ирландец поднялся на ноги и небрежно бросил в огонь обломок не то двери, не то мебели. С большой охотой пламя возликовало, сырое дерево жалостливо зашипело, поднялся пар. Это шипение продолжалось долго, ведь время тянется дольше, когда в воздухе стоит нерассказанное и не исполненное намерение, а сейчас замок Данлюс был этим полон более, чем когда-либо.

– Он меня проклял, – произнес Финтан, медленно оборачиваясь на графа.

Тот замер и беззвучно глотал воздух, его рот приоткрывался вновь и вновь, резко и судорожно, глаза бегали, он искал слова и не находил.

– Единственный человек, оставшийся в живых, проклял меня за то, что я не умер там вместе с остальными, – говорил Финтан, как будто эти объяснения были нужны. – Посмотри мне в глаза: чем ты мне можешь помочь?

– Ничем, – согласно кивнул Рене. – Ты пережил больше, чем способна вынести человеческая душа. Я не знаю твоего горя, и лишь от твоих слов все внутри меня содрогается. Если и есть кто-то, кто может тебе помочь, – это ты сам, Финтан Макдонелл.

Огонь продолжал шипеть змеей. Запах сырой гнили медленно стелился в холодном воздухе.

– Ты сможешь себе сам, уехав со мной во Францию, – глаза Рене уставились вперед, точно у восточного заклинателя диких зверей.

Финтан перевел дыхание и отшагнул в сторону. Затем сделал еще один шаг.

– Я умею обращаться невидимой тенью. Езжай домой, граф, и я поеду следом, – тихо молвил Макдонелл.

Радостный вздох облегчения вырвался из груди графа.

– Приезжай в поместье Готье, что на юге Франции, – просил граф. – Доберись до Оверни. Там я встречу тебя. Я напишу письмо, где объясню, кто ты и куда держишь путь.

– Если меня, Макдонелла, схватят с таким письмом, болтаться нам двоим на одной перекладине, – Финтан почесал тонкую шею.

– Ты же умеешь обращаться тенью? – прищурившись, спросил Рене.

– Ты назвал два имени, – Финтан нахмурился, пытаясь их припомнить. – Повтори их.

– Френсис Дрейк и Джон Норрейс? – переспросил Готье.

– Кажется, да, – голос не подвел, не дрогнул. – Скажи мне, где они сейчас, чтобы избежать встречи с ними. Не думаю, что они запомнили лицо – одним ирландцем больше, одним меньше...

Страшный оскал резко искривил губы Финтана резкой вспышкой, но так же быстро и угас.

– Дрейк, как мне помнится, в своей крепости, Плимуте, если еще не отбыл в Италию, – протянул юный граф, сиюсья припомнить все в подробностях. – Норрейс должен быть с ним.

Финтан кивнул, до боли стиснув зубы.

– У меня нет... в замке есть что-то, на чем я смогу написать письмо? – спросил Рене.

– Не рискуй понапрасну, – упреждал ирландец.

– Тебе нужно иметь при себе хоть что-то! – упрямо настаивал Готье.

С глубоким вздохом Финтан отступил.

– Какой у меня упрямый спаситель, – развел руками он. – И все же не рискуйте слишком многим. Не стоит указывать, куда именно я держу путь. Любой солдат, просмотрев это письмо, сделает вид, что ничего не заподозрил, а сам назначит слежку, и в Оверни у тебя будет много гостей помимо меня. Напишешь письмо левой рукой, чтобы при неблагоприятном исходе ты мог бы отречься от этих строк, выдав письмо за подделку.

– Граф Готье никогда не отрекается от своих слов, – возмутился Рене.

– Тем хуже для него, – пожал плечами Финтан и коротким кивком головы пригласил следовать за ним.

Они вдвоем прошли по заваленным руинам и спустились в полуподвал. Рене осторожно ступал на ощупь. Финтан, привыкший к своему мрачному обиталищу, с закрытыми глазами знал каждый выступ, каждый штырь и обломок. За месяцы проклятого затворничества он породнился с тварями ночи. Найдя все для письма, они вернулись обратно, наверх. В окнах и пробоинах начало светать, когда граф Готье склонился и взял перо в левую руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.